БИБЛІОТЕКА РУССКАГО СПОРТА.

Февраль 1911 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульв., Путинковскій п., с. д.
1911.

Содержаніе.

1. Атлетъ 3

2. Замаскированный борецъ 16

3. Изъ воспоминаній Джэка Джонсона, чемпіона міра бокса. **К.** . . . 32

4. Обезьянья ловкость. Разсказъ Стефана Мозіеръ. Пер. съ французскаго **А. М.** 50

5. Физіологическіе очерки.—Жизнь мышцы. **Б. Какушкина.** 53

6. **Библіографія.** С. К. Архангельскій. Матеріалы по методикѣ тѣлесныхъ упражненій.—Георгъ Гаккеншмидтъ. Путь къ силѣ и здоровью. 58

7. Объявленія . . . . . —

АТЛЕТЪ *).

ПОВѢСТЬ

А. К. АНОХИНА.

Κράτος по-гречески „сила“ и, олицетворяя идеалъ атлета *(атлэта*, а не атлёта, отъ греческаго—ἀθλητής) въ героѣ своей повѣсти, я хочу этимъ сказать, что сила побѣдитъ всѣхъ и всё.

Отъ автора.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Юрій Кратосъ только что проснулся.

— Квимбо,—позвалъ онъ своего негра. Изъ-за двери выглянула черная курчавая голова и бѣлые зубы сверкнули въ улыбкѣ.

— Подними шторы и позови Себба.—Негръ исчезъ.

Юрій Кратосъ, сбросивъ простыню, сдѣлалъ упругій мостъ на кровати, сильно напрягая всѣ свои мышцы, потомъ взмахнулъ ногами кверху и однимъ скачкомъ былъ на полу. Совершенно обнажившись и надѣвши только узкую повязку на тазъ, онъ накинулъ халатъ и перешелъ въ сосѣдній номеръ, который ему служилъ походнымъ гимнастическимъ заломъ. Окна были открыты, было свѣжо, но Кратосъ, раздѣвшись, быстро началъ вытягивать руки, ноги, сгибать тѣло, все время напрягая всѣ мышцы. Черезъ пять

*) Продолженіе, см. № 1 „Библіотеки Русскаго Спорта“.

—семь минутъ такой гимнастики, Кратосъ посадилъ себѣ на шею негра и началъ быстро присѣдать. Въ это время вошелъ индусъ Себбъ—высокаго роста, тоже обнаженный въ короткихъ шароварахъ. Окна затворили, на полу быстро растелили матрацъ, и Кратосъ началъ борьбу съ двумя колоссами. Три разноцвѣтныхъ тѣла переплетались между собой. Бронзовое, мускулистое, но безъ ральефа, тѣло индуса мѣнялось съ чернымъ, словно вылитымъ изъ чугуна, отчетливо-мускулистымъ торсомъ, упругими ногами и цѣпкими съ буграми мышцъ руками негра, а между ними мелькала красивая бѣлая кожа съ голубыми жилами, анатомически-правильно развитыми мышцами Кратоса.

Негръ и индусъ старались повалить Кратоса, захватывая его за руки, шею, спину, но грекъ стоялъ словно изваяніе, только вздрагивающія мышцы выдавали его напряженіе.

Вотъ индусъ захватилъ на передній поясъ и поднялъ кверху—движеніе торса и рукъ Кратоса заставили Себба отлетѣть въ сторону, но въ тотъ же моментъ Квимбо дѣлаетъ bras roulé и Кратосъ внизу на матрацѣ, еще мгновенье и оба сплелись въ клубокъ. Себбъ съ напряженіемъ удерживаетъ правую руку Кратоса на матрацѣ. Пируэтъ, мостъ, захватъ головы Квимбо, и негръ лежитъ на спинѣ, черезъ минуту та же участь постигла и Себба. Упругимъ прыжкомъ вскочили всѣ трое.

— Ну и помяли вы меня,—улыбаясь говорилъ Кратосъ, накинувъ халатъ и идя къ душу.

Квимбо потираетъ шею.

— Да, а намъ тоже, вы думаете, мало досталось? —проговорилъ индусъ, съ любовью глядя на Кратоса.

Послѣ душа Кратосъ легъ на кушетку, а спеціалистъ-массажистъ энергично промассировалъ его руки, ноги и спину.

— Простите, вы не читали повѣсти изъ міра борцовъ Н. Брешко-Брешковскаго?—спросилъ массажистъ.

— Читалъ. А что?

— Да тамъ тоже описывается какъ массируютъ Тампіо...

— То-есть Луриха?—улыбнулся Кратосъ—читалъ. Помню, какъ массажистъ думаетъ о прошлой жизни Тампіо и т. д. Ну, и что же? Вы находите сходство?

— Богъ съ вами!—обидѣлся массажистъ.—Сравнили тоже! Ваши мускулы и описанные Тампіо!

— А хорошій борецъ,—замѣтилъ Кратосъ.—Только рекламу любитъ. Мнѣ въ К. одинъ очень хорошій спортсменъ разсказывалъ, какъ Л. предлагалъ ему большія деньги, чтобы онъ написалъ его автобіографію... А впрочемъ Богъ съ ними. Кто безъ грѣха? Атлеты портятъ газету, а газета ихъ!

Массажистъ ушелъ.

— Къ вамъ два господина!—доложилъ Квимбо.

— Спроси, кто и зачѣмъ.

Черезъ минуты три негръ вернулся.

— Отъ газетъ.

— Скажи, что никакихъ интервью я не люблю, а біографію узнаютъ отъ гр. Рибстуля, если хотятъ.

— Очень просятъ.

— Ничего. Попросятъ и уйдутъ.

— Одинъ отъ спортивнаго журнала.

— Чего же ты раньше не сказалъ? Этого проси.

Кратосъ, совершенно одѣтый, вышелъ навстрѣчу худощавому, средняго роста, въ пенснэ, молодому человѣку.

— Простите, что заставилъ ждать, но не люблю я улицы. Эти репортеры интересуются вѣдь не спортомъ, а нами, какъ рекламой, зрѣлищами и т. д. Крѣпышъ, Кратосъ, Джонсонъ, Ефимовъ для нихъ одно и то же. Спортивную прессу и серьезную, напримѣръ, какъ за границей, я люблю, а въ Россіи, къ сожалѣнію, одна—двѣ газеты пишутъ о спортѣ и только, а другія считаютъ ниже своего достоинства писать о „балаганныхъ геркулесахъ“...

— Я—редакторъ спортивнаго журнала,—началъ вошедшій.—Къ сожалѣнію, приходится влачить жалкое существованіе... Читаетъ публика больше юмористику, чѣмъ спортъ... Я хотѣлъ бы просить вашего участія...

— Знаете, что?—вдругъ оживился Кратосъ.—Если хотите, я дамъ рядъ очерковъ по борьбѣ для журнала, свою біогра-

фію, а вы дайте мнѣ №№, и я снесу ихъ въ циркъ. Дѣло пойдетъ.

Черезъ полчаса Кратосъ выходилъ изъ номера съ редакторомъ и, оживленно бесѣдуя, направился внизъ выпить молока и закусить.

— Не составите ли компанію?

— Скажутъ, что я съ васъ получилъ...—улыбнулся редакторъ.

— Чепуха. Пусть говорятъ.

Они спустились въ кафе. Несмотря на сравнительно раннее время (было около 10 часовъ), въ кафе публики было порядочно. На вошедшихъ мало кто обратилъ вниманіе, такъ какъ Кратосъ для Питера былъ личность, не столь извѣстная, какъ Лурихъ, Абергъ, А. Ш. и другіе. Однако, многіе уже читали про него, а нѣкоторые даже были въ циркѣ, такъ что узнали вошедшихъ.

Кратосъ спросилъ полъ-литра сливокъ и бѣлаго простого хлѣба, потомъ заказалъ яичницу на гренкахъ и спросилъ удивленнаго собесѣдника.

— Чего вы меня разсматриваете?

— Вы что же? Вегетаріанецъ?—полюбопытствовалъ тотъ.

— Не совсѣмъ. Молоко очень люблю. Это—бѣлая кровь, и я его много пью. Мяса ѣмъ очень мало и то больше птицъ. Люблю рыбу и овощи.

За сосѣднимъ столомъ сидящіе офицеры переговаривались.

— Это Кратосъ. Красавецъ мужчина. Вотъ познакомиться бы. Интересно его пригласить къ намъ въ общество.

Кратосъ уловилъ отрывки фразъ и, быстро обернувшись, внимательно поглядѣлъ на военныхъ.

— Вы знаете, кто это?—спросилъ редакторъ.—Наша золотая гвардія, большіе спортсмены, а статскій съ ними членъ совѣта общества „Соколъ“.

Кратосъ привсталъ и направился къ сосѣднему столику.

— Извине, господа, я уловилъ ваши слова, изъ которыхъ вывелъ заключеніе о необходимости намъ познакомиться.

Молодые люди представились, компанія увеличилась, и завязался интересный спортивно-общественный разговоръ.

— Васъ по телефону спрашиваютъ.

— Откуда?

— Изъ лечебницы д-ра Раневскаго.

— Ай-ай! Скажите, что ѣду.

И Кратосъ объяснилъ, что ему сегодня назначено свиданіе у Раневскаго, атлетическій кабинетъ котораго онъ хочетъ осмотрѣть.

— Раневскій—ярый спортсменъ и „антисоколистъ“,—предупредили Кратоса.

— Мнѣ все-равно „соколистъ“ онъ или нѣтъ, я знаю, что у него выдающійся кабинетъ и хочу его видѣть.

— Для вашего журнала, думаю, будетъ интересно проѣхаться со мной?—любезно пригласилъ Кратосъ редактора.

— Хорошо, ѣдемъ.

— Человѣкъ, прикажите, пожалуйста, позвать автомобиль.

— Не забудьте къ намъ!—весело прощались офицеры.

— Непремѣнно.

Автомобиль вздрогнулъ, затрещалъ и помчался.

— Не нравится мнѣ ваша столица,—говорилъ Кратосъ.—Какъ то пусто, хмуро, нудно.

Автомобилъ подкатилъ къ двухъэтажному особняку на одной изъ лучшихъ улицъ города.

— „Физіотерапевтическій институтъ“—прочелъ Кратосъ.

Массивную дверь открылъ молодой крѣпкій татаринъ.

Кратосъ удивился.

— Хозяинъ любитъ татаръ,—пояснилъ ему редакторъ.—Говорятъ, онъ самъ изъ татарскихъ князей.

Въ вестибюлѣ были вырѣзаны изрѣченія спортивнаго и общаго характера, а въ центрѣ одно слово: „Сила“.

— Вотъ тебѣ разъ!—разсмѣялся Кратосъ.

— Вижу переводъ своего прозванія съ греческаго на русскій, пріятно.

Швейцаръ проводилъ прибывшихъ въ пріемную. Большая, свѣтлая комната съ окнами въ садъ была установлена

мягкой уютной мебелью. Прямо противъ двери висѣлъ большой портретъ д-ра В. Ф. Краевскаго, а затѣмъ всѣ стѣны были увѣшаны портретами заграничныхъ маэстро атлетики. Кратосъ съ удовольствіемъ разсматривалъ портреты Сандова, Атиллы, Дебоннэ, Дадлея, Штольца, Мюллера, проф. Гюппе, Демени, Лагранжа, Лесгафта и многихъ другихъ съ собственноручными надписями и изрѣченіями. На столѣ масса альбомовъ съ карточками-открытками борцовъ и атлетовъ.

Дверь распахнулась, и быстрой походкой вошелъ Раневскій.

— Не велите казнить, что опоздалъ, заговорилъ онъ, обращаясь къ атлету.—Вотъ радъ васъ видѣть! И васъ, мой редакторъ, собратъ по спорту. Я вѣдь пишу у него въ журналѣ,—добавилъ Раневскій.

— Съ чего же мы начнемъ?

— Это уже ваше дѣло.

—Въ такомъ случаѣ, представьте, что вы пришли ко мнѣ, чтобы стать сильнымъ и здоровымъ. Вы обыкновенный смертный, средній человѣкъ.

— Отлично,—разсмѣялся Кратосъ.

— Принявъ васъ здѣсь, я веду васъ въ антропометрическій кабинетъ,—и Раневскій, отворивъ боковую дверь, ввелъ туда гостей.

Кратосъ остановился въ изумленіи. Покрытый ленолеумомъ полъ, выкрашенныя масляной краской до двухъ третей высоты стѣны, мебель, состоящая изъ стали и стекла, шкафы и всѣ бѣлые съ массой инструментовъ, а сбоку ширмы, такія же бѣлыя.

— Тамъ у меня раздѣваются, а здѣсь я произвожу изслѣдованіе, — пояснилъ Раевскій. — Вотъ динамометръ Реньо, вотъ Коллэна, вотъ спирометръ. А кстати, сколько вы выдуете?

— Въ Парижѣ, у Дебоннэ, я выдувалъ около 5.600 кб. с.

Стрѣлка аппарата быстро поднималась по мѣрѣ того, какъ могучія легкія атлета выдували воздухъ.

— Хорошо... 5.400, 5.600,—считалъ Раневскій—5.700, 5.800.

Еще толчокъ, и стрѣлка остановилась.

— 5.940!—воскликнулъ восхищенный Раневскій.—Дойдете до шести тысячъ. Увѣренъ въ этомъ. Пойдемте дальше. Вотъ приборы Демени, а здѣсь для записи кривой пульса и дыханія. Кромѣ этихъ изслѣдованій, я произвожу самыя точныя измѣренія и, если вамъ не трудно и вы хотите доставить мнѣ большое удовольствіе, позвольте васъ измѣрить?

— Пожалуйста.

Когда атлетъ вышелъ изъ-за ширмъ, Раневскій не могъ скрыть своего восхищенія.

— Знаете, Юрій Христофоровичъ, я перемѣрилъ многихъ атлетовъ, но такого сложенія еще не видѣлъ.

— Я буду записывать,—предложилъ редакторъ спортивнаго журнала.

— Очень меня обяжете. Итакъ... Ростъ—183 сант. Вѣсъ —98 кило, это... это значитъ... 6 пудовъ,—вычислилъ Раневскій.—Грудь... Выдохните пожалуйста... такъ... грудь... 110... вздохните... такъ. Ого! Ну и кузнечные мѣхи у васъ! 130 сантиметровъ! А! Какъ вамъ это понравится? Ну и грудь. Разводъ легкихъ на двадцать сантиметровъ. У Петерсона считали максимальной, а у него грудь 108—123.

— Позвольте уже торсъ вашъ измѣрить.

Кратосъ улыбнулся.

— Надуться?

— Обязательно. Такъ, какъ любители-атлеты, самоваромъ... ха-ха-ха!—разсмѣялся Раневскій.—142. Это торсъ! Знаете, что есть такой атлетъ Отто Грандпэръ, который при ростѣ 172 с. имѣетъ грудь 127—140 сант.

— Значитъ, побилъ меня?—улыбнулся Кратосъ.

— Ну, нѣтъ!

— Да вы ходячая энциклопедія спорта,—замѣтилъ атлетъ.

— Люблю. Что же дѣлать. Бицепсъ,—продолжалъ Раневскій—чистый. Держите руку сбоку, согните въ локтѣ, такъ—45 сантиметровъ. Предплечье,—продолжалъ докторъ, —вытяните руку... 36 сантиметровъ. Хорошая кисть... Бед-

ро... 72 с. Ого! Икра—46 сантиметровъ... Талія... 90 сантиметровъ. Шея... спокойно... 44 с., а напрягите... 48 сантиметровъ. Я, знаете, готовъ васъ расцѣловать. Ну, и мышцы.

— Вы довольны?

— Еще бы.

Кратосъ ушелъ одѣваться.

— Видали ли вы когда-нибудь подобныя формы тѣла?

Редакторъ записывалъ данныя къ себѣ въ записную книжку.

Когда атлетъ одѣтый вышелъ къ нимъ, оба невольно сравнивали только что бывшее передъ ними красивое мощное тѣло и этого высокаго молодого человѣка въ безукоризненно сшитомъ черномъ сюртукѣ.

— Теперь, господа, пожалуйте дальше.

Раневскій ввелъ ихъ въ уборную.

— Здѣсь раздѣваются ученики и посѣтители. Каждый имѣетъ свой ящикъ, свое мѣсто, а теперь...—и они вошли въ большое двухсвѣтное помѣщеніе.—Это залъ для упражненій.—Помѣщеніе было перегорожено пополамъ невысокой красивой рѣшеткой, а одна половина въ свою очередь еще пополамъ, такъ что въ залѣ было три отдѣленія.

— Здѣсь у насъ борятся.

Отличные кожанные матрацы, въ количествѣ четырехъ размѣромъ 10 метровъ на 10 метровъ каждый, съ невысокими бортами, помѣщались въ этомъ отдѣленіи. По стѣнамъ висѣла масса фотографій борцовъ прошлыхъ годовъ и всѣхъ теперешнихъ, а вверху портретъ Гаккеншмидта.

— Это мой любимецъ—сказалъ, указывая на него, Раневскій. Матрацы мы смываемъ мокрыми швабрами, а, кромѣ того, у насъ дѣйствуетъ пылевысасыватель и электрическій вентиляторъ.

— Здѣсь—атлетика.—По стѣнамъ стоялъ громадный наборъ гирь. Разборныя штанги отъ 1 пуда до 10, литыя, насыпныя, жонглеры, двойники, пирамиды, бульдоги, гантели, наконецъ, громадные камни, рельсы и кожанные мѣшки съ пескомъ.

— Все это для развитія силы,—пояснилъ докторъ. По

стѣнамъ опять фотографіи, наверху Елисѣевъ, Мооръ, Крыловъ, Мейеръ и др. русскіе богатыри. Наконецъ, въ большемъ отдѣленіи были въ изобиліи канаты, шесты, лѣстницы, бревна, лошади, вдоль стѣнъ цѣлыя тучи малыхъ и среднихъ размѣровъ гантель, желѣзныя палки.

— Я не вижу параллелей и турника,—удивился Кратосъ.

— Я не люблю ихъ и считаю никуда негодными,—отвѣтилъ Раневскій.—Да впрочемъ вѣдь и Дебонне и др. директора школъ физическаго развитія за границей не употребляютъ ихъ.

— Это вѣрно,—замѣтилъ Кратосъ.—Лично я никогда не касался своими руками ни одного прибора, кромѣ гирь, матраца-резины и... человѣка!

— Вотъ видите. А вѣдь не слабенькій, слава Богу! На хорахъ, которые вы видите, сверху смотритъ публика иногда, раза два въ недѣлю, а здѣсь—залъ поменьше для женщинъ. Вы видите этотъ инструментъ? Это оркестріонъ, который постоянно играетъ во время занятій.

— Какая же у васъ послѣдовательность?—спросилъ атлетъ.

— Сперва новичекъ поступаетъ на младшее отдѣленіе, гдѣ получаетъ общее развитіе всего тѣла, а потомъ уже, смотря по наклонностямъ и развитію, ему предоставляютъ бороться, боксировать, заниматься атлетикой, фехтованіемъ, гимнастикой и т. д. Послѣ занятій всѣ принимаютъ души вотъ здѣсь...—и Раневскій перешелъ въ смежное съ уборной помѣщеніе, гдѣ были устроены отдѣльные кабинки для душа, какъ верхняго, такъ и бокового съ горячей и холодной водой.

— Пойдемте на верхъ, тамъ у меня аудиторія для лекцій по анатоміи, физіологіи, гигіенѣ, антропологіи, исторіи и систематикѣ упражненій, а также библіотека и лабораторія, гдѣ мы производимъ изслѣдованіе надъ дѣйствіемъ различныхъ физическихъ упражненій на человѣческій организмъ.

По лѣстницѣ они поднялись на верхъ.

Библіотека состояла изъ ряда шкафовъ съ книгами.

— Здѣсь моя гордость. Вы найдете книги на русскомъ, англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, чешскомъ, польскомъ и даже японскомъ языкѣ. Журналы спортивные всего міра, альбомы и т. д.

— Но вѣдь это стоитъ большихъ денегъ,—возразилъ Кратосъ.

— Да. Но я предпочитаю тратить ихъ на спортъ, чѣмъ на вино или карты. Все, что я имѣю съ лечебницы и школы, я отдаю сюда.

— Знаете что...—задумчиво произнесъ Кратосъ,—вы меня пристыдили... Но, даю слово, что я буду вашимъ дѣятельнѣйшимъ помощникомъ, какъ только покончу съ борьбой.

— А съ борьбой вы не кончите скоро,—вставилъ редакторъ.

— Если же кончите съ борьбой, приметесь за боксъ. У васъ чудныя данныя для боксера,—замѣтилъ Раневскій.

— Я знаю немного боксъ. Бралъ уроки въ Парижѣ у Самъ Макъ-Веа...

— Ого. Однако, и учителя у васъ.

— И теперь иногда боксирую съ Квимбо. Кстати, вотъ сила. Я его приведу какъ-нибудь къ вамъ...

Разговаривая, они обошли аудиторіи, лабораторіи и вышли на балконъ.

— Въ саду, который вы здѣсь видите... а вамъ не холодно?—вдругъ прервалъ свою рѣчь Раневскій.

— Нѣтъ. Я сплю съ открытыми окнами.

— Въ саду зимой у насъ катокъ, а лѣтомъ игры, бѣгъ, прыжки, метанія и т. д.

— Хорошо у васъ,—искренне воскликнулъ атлетъ.—Да, не даромъ о васъ говорятъ за границей.

— А теперь не угодно ли позавтракать?

— Не откажусь.

— А вы не разсердитесь, если мы будемъ не одни?

— Кто же?

— Съ вами очень хотятъ познакомиться мои большіе друзья Коноваленко, а съ ними Долговъ и графъ Рибстуль...

— Постойте,—перебилъ Кратосъ—Коноваленко... Это не тѣ, что были вчера въ циркѣ?

— Да, тѣ самые, а что?

— Я такъ...

На минуту всѣ замолчали, но скоро разговоръ опять возобновился уже въ квартирѣ Сергѣя Гавриловича.

Радушный хозяинъ то и дѣло посматривалъ на часы.

— Скоро часъ, а моихъ гостей что-то нѣтъ,—волновался Раневскій.

Словно нарочно въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздались голоса, и Сергѣй Гавриловичъ помчался туда.

Калерія Михайловна днемъ казалась еще интереснѣе. Ея синіе глубокіе глаза, чуть подернутые влагой, блестѣли и искрились.

Коноваленко въ первую голову бросился къ Раневскому съ вопросомъ, ну?

— Ну,—улыбаясь утвердительно отвѣтилъ тотъ.

Гости вошли въ кабинетъ къ Раневскому, гдѣ ихъ ждали Кратосъ и редакторъ.

— Позвольте вамъ, Калерія Михайловна, представить Юрія Христофоровича Кратоса.

Молодой человѣкъ наклонилъ голову. Коноваленко протянула затянутую въ перчатку руку и почувствовала мягкое сильное пожатіе.

Руки ея атлетъ не поцѣловалъ, что ее нѣсколько озадачило.

Петръ Сергѣевичъ Коноваленко и Николай Александровичъ Долговъ горячо пожали руки Кратоса, а черезъ нѣсколько минутъ явился и гр. Рибстуль.

— Знаете, графъ,—обратился къ нему Раневскій.—Какимъ это образомъ, вы измѣряли Юрія Христофоровича?

— А что?

— Да ничего похожаго на ваши данныя. Ростъ не 172, какъ вы мнѣ говорили, а 183, грудь, ноги и т. д.—то же другіе размѣры.

— Очень можетъ быть, но я вѣдь самъ лично не измѣрялъ, а мнѣ говорили...

— То-то и дѣло, что на слово вѣрить нельзя. Иной атлетъ говоритъ, у меня бицепсъ 47, а смотришь, всего 42 и т. п. вздоръ.

Мужчины осадили Кратоса и засыпали вопросами.

— Господа. Право лучше продолжать бесѣду въ столовой.

Раневскій предложилъ руку Калеріи Михайловнѣ, прочіе двинулись за ними.

— Вотъ и познакомились, дорогая...—шепнулъ Сергѣй Гавриловичъ.

— А все-таки, онъ мнѣ не нравится. Черезчуръ самонадѣянъ и... глаза противные...

За столомъ, разговоръ ни на минуту не прерывался. Калерія Михайловна сидѣла напротивъ Кратоса.

— Вы сегодня будете въ циркѣ?—спросилъ Долгова атлетъ.

— Еще бы. Сегодня вы боретесь съ японцемъ.

— Главное съ Констаномъ—любимцемъ моей жены,—добавилъ Коноваленко.

— Вотъ какъ?—И сѣрые глаза Кратоса скользнули по лицу молодой женщины.

— Онъ борется хорошо, красиво, но не такъ силенъ, какъ многіе другіе.

— Посмотримъ, что вы запоете на аренѣ,—отозвалась Коноваленко.

— Я не смогу этого видѣть, а вотъ вамъ постараюсь доставить возможно больше удовольствія и буду класть вашего протеже мягко и осторожно.

— Не хвалитесь раньше времени. Быть можетъ, еще Констанъ васъ будетъ класть „мягко и осторожно“,—съ непривычной рѣзкостью сказала Калерія Михайловна.

— Ну, знаете, вы переоцѣниваете Констана,—вмѣшался въ разговоръ гр. Рибстуль.- Я такъ увѣренъ, что побѣда будетъ за Юріемъ Христофоровичемъ, что прошу сказать, какимъ пріемомъ вы его положите?

— Какимъ хотите...—улыбнулся атлетъ.

— Лучше всего взять его на передній поясъ и положить осторожно...—сказалъ Раневскій.

— Пусть будетъ по вашему.

— Хотите пари?—обратился Сергѣй Гавриловичъ къ Коноваленко.

— Я сердита на васъ,—отвѣтила та.—Что вамъ дался Констанъ. Вотъ пошлю къ нему посыльнаго и предупрежу о вашихъ затѣяхъ.

— Еще лучше.

— Вы хотите, чтобы вашъ новый кумиръ...—говорила тихо Калерія Михайловна, вставая изъ-за стола,—занялъ мѣсто Констана?

— Нѣтъ. Это мѣсто хочу занять я...—такъ же тихо отвѣтилъ Раневскій.

Стали прощаться.

— Итакъ до вечера?—спросилъ Кратосъ.

Молодая женщина ничего не отвѣтила.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. К. Анохинъ.

Замаскированный борецъ.

Разсказъ.

Дѣвушка остановилась на мосту и, прислонившись къ перилamъ, лѣниво поглядѣла на воду, на прибрежныя скалы, на быстро бѣгущія струи у поворота. Юноша, сопровождавшій ее, не смотрѣлъ ни на воду, ни на скалы; онъ не спускалъ глазъ съ дѣвушки, которую любилъ.

— Ричардъ,—задумчиво спросила дѣвушка,—вѣришь ли ты въ то, что зеленая долина внизу заколдована? Правда ли говорятъ въ народѣ, что ночью кобольды и феи вырастаютъ изъ тумана и водятъ здѣсь хороводы подъ тихіе всплески рѣки.

— Мэри, я ничего не знаю о кобольдахъ, и они мало интересуютъ меня. Объ одной лишь феѣ я не могу забыть...

— Это, конечно, я,—перебила его дѣвушка.—Какъ странно, что повсюду тебѣ представляюсь я. А мнѣ вотъ часто представляются кобольды. Въ дѣтствѣ мнѣ приснился однажды странный сонъ,—вѣдь всѣ сны такіе странные,—что кобольдъ похитилъ меня и унесъ въ хрустальный гротъ. Самое странное, что тотъ же сонъ я видѣла сегодня ночью. Я звала на помощь тебя и отца, но вы не слышали меня.

— Ахъ, Мэри, перестань разсказывать мнѣ твои сны. Что мнѣ твои сны? Скажи мнѣ, что ты любишь меня, повтори это Мэри.

— Я право не знаю, Ричардъ. Мнѣ кажется, что я люблю тебя. Я думаю, что люблю тебя больше, чѣмъ всѣхъ дру-

гихъ людей, которыхъ я знаю. Пожалуй только папу и маму люблю я больше. Я вѣдь еще очень молода, Ричардъ. Мнѣ такъ тяжело рѣшить, кого изъ васъ я люблю. Вѣдь и Томъ, и Гарри, и Чарли спрашиваютъ у меня то же самое.

Она задумалась.

— Я знаю, я знаю,—внезапно вскрикнула она, захлопавъ въ ладоши. Я поступлю такъ, какъ дѣлали дѣвушки въ былыя рыцарскія времена. Пусть рѣшитъ Богъ. Вѣдь ты примешь участіе въ воскресномъ состязаніи борцовъ?

— Я предполагаю даже выйти чемпіономъ тяжеловѣсовъ,—съ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— И Томъ, и Гарри, и Чарльзъ будутъ бороться. Рѣшимъ такъ: я отдамъ свою руку побѣдителю.

— Но это значитъ, что ты готова выйти за меня,—съ радостью воскликнулъ юноша. Онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и покрылъ поцѣлуями.

Вырвавшись, она крикнула ему, убѣгая, легкая, какъ Аталанта:

— Какой ты необузданный. Сколько разъ говорила я тебѣ, чтобы ты не касался меня.

Молодой человѣкъ не пытался догнать ее. Остатокъ дня онъ посвятилъ упражненіямъ въ одномъ изъ атлетическихъ клубовъ Ковендаля, гдѣ онъ считался выдающимся борцомъ.

***

Исторія, которую я хочу здѣсь разсказать, произошла въ большомъ фабричномъ городѣ, гдѣ облака дыма и копоти, висящія въ воздухѣ, лишь рѣдко позволяютъ видѣть чистое небо. Несмотря на это, она романтична и удивительна. И самое удивительное въ ней то, что она правдива. Какъ это ни странно, то, что разсказывается здѣсь, произошло на самомъ дѣлѣ.

— Но,—спроситъ недовѣрчивый читатель,—можетъ ли произойти что-нибудь романическое въ закоптѣломъ фабричномъ городѣ?

За ужиномъ разговоръ о состязаніи борцовъ возобновился. Хозяинъ дома спросилъ меня, видѣлъ ли я когда-нибудь борьбу.

— Да,—отвѣтилъ я,—я какъ-то присутствовалъ на матчѣ, въ которомъ участвовалъ Збышко.

— Какой тамъ Збышко,—взволновался мой другъ.—Развѣ въ театрѣ или циркѣ можно видѣть настоящую борьбу. Нѣтъ, неподдѣльную схватку героевъ спорта разумѣю я.

— Такой борьбы я еще не видѣлъ, если не считать нашихъ любительскихъ упражненій.

— И тебѣ не стыдно,—продолжалъ горячиться мистеръ Кледжъ.—О, я бы тебѣ показалъ, были бы у меня мои прежнія силы. Въ скольких чемпіонатахъ я выходилъ побѣдителемъ, не сосчитать. Но постой-ка, завтра я тебя непремѣнно свожу на состязаніе. Завтра вѣдь у насъ гала-состязаніе. Лавка поживетъ денекъ и безъ меня.

Мы болтали такъ о томъ, о семъ, покуривая трубки, какъ, вдругъ, въ комнату вошла молодая дѣвушка, какъ я узналъ позднѣе, дочь моего друга.

Отецъ видно не ждалъ дочери въ этотъ часъ.

— Мэри, какими судьбами? Вотъ огорошила. Почему же ты не извѣстила о своемъ пріѣздѣ?

— Я спѣшила, папа,—отвѣтила дѣвушка,—и не успѣла написать вамъ.

— Развѣ нѣтъ телеграфа въ Лидсѣ.

— Конечно, я могла бы телеграфировать. Но, признаться, я хотѣла устроить сюрпризъ тебѣ и мамѣ.

— Ты все еще шалишь, какъ прежде. Вотъ что—набей-ка мнѣ трубку, дочка. Постой-ка, а зачѣмъ, собственно ты пріѣхала?

Дѣвушка долго отпѣкивалась. Наконецъ, созналась, что хочетъ присутствовать на завтрашней борьбѣ.

— Вотъ, какъ. Гм.—Ужъ не участвуетъ ли въ ней этотъ молодой человѣкъ, какъ онъ называется—Ричардъ, кажется.

— Онъ говорилъ мнѣ, что будетъ бороться,—краснѣя отвѣтила дѣвушка.

— Ага. Пожалуй ты была бы не прочь помочь ему выйти побѣдителемъ. Что ты на это скажешь, дочка?

Онъ звонко разсмѣялся и, ущипнувъ ее за щеку, прибавилъ:

— Ничего, не смущайся. Онъ славный малый. И если онъ выиграетъ тебя, то ужъ во всякомъ случаѣ я не воспротивлюсь вашей женитьбѣ.

Я понялъ тутъ, что именно Мэри и была той дѣвушкой, о которой шла рѣчь въ трамваѣ и въ честь которой былъ назначенъ турниръ.

Вскорѣ Мэри отправилась на покой. Она говорила, что устала отъ дороги и хотѣла отдохнуть. Попрощавшись со всѣми, она уже подошла къ двери, какъ вдругъ снова вернулась и подошла къ отцу.

— Мнѣ все кажется, папа, что завтра случится что-то необычайное.

— Само собой случится, дѣтка, и я скажу тебѣ, что Ричардъ выиграетъ первенство тяжеловѣсовъ и женится на тебѣ. Вотъ и все. Послушай, что я тебѣ посовѣтую: ложись-ка спать и старайся поменьше думать о завтрашнемъ днѣ.

Но Мэри ушла, видимо, неудовлетворенная отвѣтомъ отца.

— Вы не повѣрите,—пробормоталъ старый Сэмъ Кледжъ по ея уходѣ,—какая она славная дѣвушка. По-моему, она красивѣйшая дѣвушка въ округѣ. Ричарда-то она вполнѣ достойна, безъ сомнѣнія.

Я согласился съ нимъ, и даже больше: въ эту минуту я нѣсколько позавидовалъ этому силачу Ричарду, которому всѣ сулили побѣду и счастье.

***

Въ воскресный день англійскій городъ совершенно мѣняетъ свой видъ. Праздничное настроеніе чувствуется во всякой мелочи, а особенно въ нарядныхъ костюмахъ молодежи и медленно прохаживающихся по улицамъ толпахъ народа.

Я хорошо зналъ это и все-таки былъ удивленъ, когда

на слѣдующій день утромъ вышелъ на улицу. Городъ былъ украшенъ флагами и всячески декорированъ до такой степени, точно ждали самого короля. Видно было, что всѣ здѣсь интересовались предстоящимъ атлетическимъ состязаніемъ. Сквозь шутки и веселье прогуливавшихся молодыхъ людей проглядывало нетерпѣливое и напряженное ожиданіе.

Я прошелъ по бульварамъ и подходилъ къ желѣзнодорожному мосту, когда мое вниманіе привлекла группа здоровенныхъ парней, остановившихся на углу передъ большой квадратной афишей и сильно заспорившихъ о чемъ-то, выразительно жестикулируя.

Я подошелъ къ нимъ, чтобы прочесть афишу. Она сообщала объ атлетическомъ состязаніи и его участникахъ, причемъ подробно перечислялись ихъ достоинства и былыя заслуги. Такихъ афишъ было расклеено по городу немало, и я сейчасъ же пошелъ бы дальше, если бы не замѣтилъ приклеенную внизу ярко-красную полосу бумаги, на которой черными буквами была выведена надпись: „Неизвѣстный борецъ выступитъ противъ побѣдителя".

Очевидно, это добавленіе было приклеено недавно, такъ какъ и для моихъ сосѣдей оно составляло новость.

— Это скверная шутка,—проговорилъ одинъ изъ нихъ. Никто не имѣетъ права выступать теперь, такъ какъ пріемъ заявленій законченъ вчера въ обѣдъ.

— Пустяки,—замѣтилъ другой,—откуда у васъ здѣсь появятся неизвѣстные. Я готовъ спорить, что во время состязанія мы не увидимъ ни одного новаго борца.

— Правильно сказано,—вновь подхватилъ первый.—Да что, братцы. Насъ будутъ одурачивать, а мы должны молчать. Долой его.

Съ этими словами онъ подбѣжалъ къ плакату, оторвалъ красную полосу и скомкавъ подбросилъ ее вверхъ. Товарищи поддержали его одобрительными возгласами, явно недовольные вмѣшательствомъ посторонней силы въ ихъ домашній турниръ.

Ватага съ шутками и смѣхомъ двинулась дальше.

Возвратившись къ завтраку въ домъ моего друга, я разсказалъ за столомъ про этотъ случай.

Кледжу понравилась смѣлость неизвѣстнаго конкурента. Потирая руки, онъ замѣтилъ:

— Будь я помоложе, я непремѣнно выступилъ бы сегодня, и точно такимъ же образомъ. Это возбуждаетъ и вноситъ интересъ.

— Слушайте его,—перебила разговоръ его престарѣлая супругу,—онъ становится дитей, когда заходитъ рѣчь о спортѣ. И годится ли въ твоихъ лѣтахъ такъ горячиться.

— Пожалуй, ты права, старина,—сейчасъ же согласился мистеръ Кледжъ. И добавилъ, наливая свѣтлое, пѣнящееся пиво въ высокіе бокалы:

— Давайте-ка лучше выпьемъ за успѣхъ славнаго Ричарда Эшуорда. Я былъ бы сильно огорченъ, если бы ему не повезло сегодня. Что скажешь ты на этотъ счетъ, Мэри?

Но Мэри не отвѣчала. Я замѣтилъ, однако, что принесенное мною извѣстіе заставило ее поблѣднѣть. Она сидѣла, погрузившись въ свои думы, и, вѣроятно, не слыхала вопроса.

***

Полчаса спустя Сэмъ Кледжъ запрягъ лошадку въ четырехмѣстный тарантасъ, и мы отправились за городъ.

Я сидѣлъ напротивъ Мэри и не могъ налюбоваться на ея свѣжесть и красоту. Мнѣ трудно описать ея костюмъ—мужчинѣ это тяжело дается. Но я всегда могу отличить хорошъ или плохъ женскій костюмъ, и могу увѣренно сказать, что Мэри была восхитительна въ легкомъ, бѣломъ платьѣ, съ пучкомъ фіалокъ на груди и плоской соломенной шляпѣ, обвитой темно-синей лентой. Фіалками Мэри украсила всю телѣжку и сбрую лошади, снабдила ими и меня, такъ что экипажъ нашъ выдѣлялся своей нарядностью среди массы автомобилей, велосипедовъ и пролетокъ, запрудившихъ дорогу. Многочисленные прохожіе, спѣшившіе въ томъ же направленіи, перешептывались, поглядывая на Мэри, многіе останавливались и посылали привѣтъ. Народу шло столько, что, казалось, городъ долженъ былъ совершенно опустѣть позади насъ.

Сэмъ Кледжъ чувствовалъ себя, какъ дома, въ этой толпѣ. Почти всѣ знали его, и онъ не успѣвалъ отвѣчать на поклоны, разсыпая остроты направо и налѣво и согрѣвая своимъ добродушіемъ и привѣтливостью суровыя лица горожанъ. Онъ вносилъ какую-то особенную легкость въ настроеніе, и, право, мнѣ кажется, что если бы больше было такихъ Кледжей, было бы много уютнѣе жить въ этомъ мірѣ.

Наконецъ, мы добрались до мѣста—обширной луговины, вокругъ которой скалы составляли естественный амфитеатръ. На выступахъ ихъ, идущихъ рядами, могла расположиться масса народу. Мы устроили лошадь, оставивъ ее на попеченіе крестьянина, и заняли мѣста.

Оркестръ заигралъ маршъ, и вслѣдъ затѣмъ начались состязанія. Это былъ грандіозный праздникъ спорта, и въ моей жизни я не видѣлъ болѣе красиваго зрѣлища. Описать всевозможныя старинныя англійскія игры, состязанія въ бѣгѣ, въ ходьбѣ, велосипедныя гонки, гимнастическіе шедевры не хватило бы у меня красокъ, а, можетъ быть, и чернилъ, и поэтому ихъ лучше будетъ обойти молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что непосредственнаго отношенія къ разсказываемой исторіи они не имѣютъ.

Всю вторую половину праздника должны были занять состязанія борцовъ. Волненіе невольно охватило всѣхъ насъ въ теченіе антракта. Мэри сидѣла возлѣ своего отца. Она весело смѣялась и болтала о всякихъ пустякахъ, но ея веселость не казалась искренней. Я видѣлъ, что и она нетерпѣливо ждала сигнала къ выступленію борцовъ, и нѣсколько разъ сильная дрожь охватывала все ея тѣло. Старикъ-отецъ замѣтилъ это и принялся было успокаивать ее, но тутъ она вовсе разстроилась. Мы хотѣли было ужъ увести ее, какъ стройная фигура высокаго юноши приблизилась къ намъ и остановилась около Мэри.

— Ба , да это Ричардъ,—воскликнулъ Сэмъ Кледжъ.—Радъ тебя видѣть здоровымъ и бодрымъ.

Ричардъ совершенно спокойный занялъ мѣсто около Мэри.

— Да какъ ты окрѣпъ,—продолжалъ Сэмъ, оглядывая атлета съ ногъ до головы.—Ты вѣдь тренировался у Кона Томаса, моего стараго друга. Я узнаю его школу. Мы выступали съ нимъ въ одно время. Это былъ славный борецъ.

Но, молодой человѣкъ, очевидно, мало интересовался воспоминаніями ветерана. Онъ взялъ Мэри за руку и прошепталъ ей:

— Мэри, хочешь ли ты, чтобы я побѣдилъ сегодня?

— О, Ричардъ,— лишь воскликнула она, но въ томъ, какъ она это сказала, онъ услыхалъ отвѣтъ на свой вопросъ и поднялся удовлетворенный, увѣренный.

Тутъ я познакомился съ нимъ. Онъ показался мнѣ славнымъ малымъ. Его лицо было открытымъ и яснымъ, какъ день. Въ немъ чувствовалась способность и сила идти прямой дорогой въ согласіи съ здоровыми и разумными убѣжденіями. Еще молодой, но уже вполнѣ развитый, онъ былъ превосходенъ въ легкомъ спортивномъ костюмѣ— спортсменъ съ головы до ногъ, спортсменъ отъ природы, который зналъ и чувствовалъ свою силу и умѣлъ развить ее во всѣхъ направленіяхъ, сохранивъ естественную гармонію сложенія.

Я удивился нѣсколько, узнавъ, что онъ будетъ бороться среди тяжеловѣсовъ. Онъ былъ, очевидно, хорошо и раціонально тренированъ. Но, вѣдь Андрей Шертійо кажется средневѣсомъ по сравненію съ тѣми безформенными горами мяса, съ которыми ему приходится бороться.

Прозвучалъ сигналъ къ параду и Ричардъ поспѣшилъ въ свою палатку.

***

Одиннадцать борцовъ уложилъ Ричардъ Эшуордъ съ большими или меньшими усиліями, но всѣхъ одинаково ловко и красиво. Онъ былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ атлетомъ, боровшимся съ большимъ хладнокровіемъ и къ тому же всесторонне развитымъ, такъ что самые различные пріемы удавались ему легко и свободно.

Но въ лицѣ своего двѣнадцатаго соперника, съ кото-

рымъ ему предстояла рѣшительная схватка, онъ нашелъ равнаго себѣ противника. Молодой Гарри Причардъ имѣлъ неменьшій опытъ, неменьшую силу въ мускулахъ, неменьшую догадливость и неменьше любилъ Мэри Кледжъ. Еще задолго до состязанія онъ получилъ отъ Мэри тотъ же отвѣтъ, что и Ричардъ, и дѣятельно готовился къ борьбѣ. Молодые люди были друзьями. Они часто вмѣстѣ упражнялись на аренѣ клуба, вмѣстѣ развивались и хорошо знали другъ друга.

Теперь они должны были схватиться не за превосходство въ спортѣ, не за честь, не за славу, а за любовь, за обладаніе дѣвушкой—сильнѣйшій стимулъ къ борьбѣ изъ всѣхъ существующихъ.

На арену вышелъ распорядитель и возвѣстилъ въ трубу, что сейчасъ начнется послѣдняя схватка на первенство Ковендаля. Арбитръ въ бѣлой фланелевой рубашкѣ занялъ свое мѣсто, и вслѣдъ затѣмъ выступили оба борца, привѣтствуемые настоящей бурей аплодисментовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію; между сторонниками обѣихъ партій были заключены многочисленныя пари, и теперь всѣ напряженно ждали начала борьбы.

Противники въ знакъ уваженія прежде всего пожали другъ другу руки. Затѣмъ разошлись и когда вновь осторожно стали приближаться другъ къ другу, злые огоньки вспыхнули у нихъ въ глазахъ, и было видно, что ни уступкамъ, ни жалости не было мѣста въ этой схваткѣ, и что въ ней выльется все искусство обоихъ титановъ.

Нѣкоторое время они неподвижно стояли другъ противъ друга въ поискахъ нужнаго пріема. Вдругъ, совершенно неожиданно для меня, Гарри схватилъ Ричарда за ногу, и фаворитъ мой моментально полетѣлъ на землю. Но не на спину, и это спасло его. Онъ уперся въ землю ногами и руками, и всѣ усилія Гарри перевернуть его оказались безплодными.

Въ этомъ положеніи онъ провелъ минутъ пять. Толпа проявляла явное нетерпѣніе. Поклонники Ричарда почувствовали себя сконфуженными.

— Вставай, Ричардъ,—кричали они ему.

Но онъ не имѣлъ возможности встать, такъ какъ Гарри усѣлся на него верхомъ и готовъ былъ воспользоваться малѣйшей его неловкостью. Что же подѣлаешь? Провелъ же однажды Збышко въ такомъ точно положеніи почти три часа подъ индусскимъ борцомъ Гамой. Ричардъ боролся на этотъ разъ не для публики, а для себя, и, очевидно, не терялъ надежды.

Мистеръ Кледжъ бѣгалъ взадъ и впередъ, то посылая ободряющее восклицаніе Ричарду, то покрикивая на сторонниковъ Гарри. Мэри перестала глядѣть на арену. Она уткнулась головой въ колѣни, и никакія увѣщеванія съ моей стороны не могли ее заставить поднять голову.

Но тутъ внезапный взрывъ апплодисментовъ и восклицаній чуть не оглушилъ насъ. Вся масса зрителей кричала и бѣсновалась, какъ только можетъ кричать и бѣсноваться ланкаширская толпа.

Ричарду удалось-таки вскочить, наконецъ, воспользовавшись неудачнымъ примѣненіемъ его противникомъ задняго пояса. И сейчасъ же онъ перешелъ въ наступленіе. Гарри, нѣсколько уставшій, не выдержалъ бурной атаки и черезъ 20 секундъ онъ лежалъ на обѣихъ лопаткахъ

Арбитру не къ чему было придраться, какъ ни долго смотрѣлъ онъ неподвижно, какъ ни ждалъ онъ, что Гарри вывернется, и Ричардъ Эшуордъ былъ объявленъ побѣдителемъ.

— Ура! Ричарду Эшуорду,—прокатилось по полянѣ, и, казалось, черезъ минуту, за милю въ окружности, всѣ должны были узнать, что Ричардъ Эшуордъ признанъ чемпіономъ Ковендаля.

Партія Ричарда торжествовала. Его друзья прорвались на арену, окружили его и съ пѣсней на рукахъ понесли къ намъ.

Побѣжденный борецъ съ усталымъ, но отнюдь не озлобленнымъ видомъ слѣдовалъ за шествіемъ. Какъ только Ричардъ освободился отъ толпы, отъ безчисленныхъ рукопожатій и привѣтствій, онъ подошелъ къ Гарри и попрежнему дружески обнялъ его. Ему было жаль своего друга, но Гарри спокойно отвѣтилъ:

— Не думай обо мнѣ, Ричардъ. Самъ Богъ сегодня стоялъ за тебя. Видно, Мэри любитъ тебя больше, чѣмъ меня. Такъ оно мнѣ, собственно, и раньше казалось.

Что сказать о мистерѣ Кледжѣ и его дочкѣ? Конечно, они были довольны оба въ высшей степени, и старикъ Кледжъ, пожалуй, еще болѣе Мэри.

Въ суетѣ и всеобщемъ оживленіи никто не обратилъ вниманія на нѣкоторое замѣшательство, которое произошло въ это время на аренѣ.

Тамъ у мѣста арбитра выросла новая и странная фигура.

Огромнаго роста борецъ въ черномъ трико и черной маскѣ стоялъ въ вызывающей позѣ и что-то требовалъ. Арбитръ въ отвѣтъ отрицательно покачивалъ головой. Публика кругомъ хохотала.

Мало-по-малу всѣ пріумолкли и стали прислушиваться къ спору.

— Всѣ знали, что я долженъ выступить, всѣ ждали меня,—донесся до насъ низкій густой голосъ.—Теперь я здѣсь и вызываю на бой побѣдителя чемпіоната.

Мы слушали, цѣпенѣя отъ удивленія и какого-то тяжелаго предчувствія. Что-то неминуемое, грозное повисло въ воздухѣ, и, казалось, готово было раздавить всеобщую радость.

Ричардъ имѣлъ полное право не отвѣчать этому безумцу. Листъ записавшихся борцовъ былъ исчерпанъ, формально чемпіонатъ закончился, и многіе уже расходились по домамъ. Но онъ былъ опьяненъ своей побѣдой и слишкомъ увѣренъ теперь въ своихъ силахъ. И потому, вѣроятно, онъ, недолго думая, пробился сквозь толпу и снова вышелъ на арену.

— Я принимаю вызовъ,—гордо кинулъ онъ замаскированному борцу.

Тутъ началось что-то неописуемое. Казалось, вся масса народа, столпившаяся на площадкѣ, ринулась въ рукопашную, захваченная новымъ взрывомъ спортивнаго восторга. Одни кинулись къ Ричарду, привѣтствуя его отвагу,

прославляя его, какъ гордость города, другіе—къ новоприбывшему борцу, заявляя ему, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться со стороны въ ихъ праздникъ, что онъ долженъ немедленно уйти, третьи—къ арбитру, требуя, чтобы онъ не допускалъ такого произвола на городскихъ состязаніяхъ.

Наконецъ, комитетъ состязаній объявилъ, что онъ обсудитъ этотъ вопросъ и просилъ присутствующихъ успокоиться, пока онъ не объявитъ своего рѣшенія.

Друзья Ричарда уговаривали его отказаться отъ своего слова, такъ какъ послѣ того напряженія, какое ему пришлось вынести въ этотъ день, онъ безусловно уступитъ въ силѣ этому неизвѣстному силачу, который былъ и выше и тяжелѣе его и выступалъ со свѣжими силами.

Но Ричардъ не хотѣлъ нарушать своего обѣщанія.

— Моего первенства,—говорилъ онъ,—онъ у меня не отниметъ, коль скоро я его выигралъ. А побороться съ нимъ доставитъ мнѣ огромное удовольствіе. Я не чувствую себя уставшимъ.

Къ подобному же рѣшенію пришелъ и комитетъ. Считая чемпіонатъ закончившимся, онъ не могъ, заявилъ онъ, отказать отдѣльнымъ парамъ выступать внѣ конкурса. Онъ требовалъ лишь двадцатиминутнаго перерыва для необходимаго Эшуорду отдыха.

Въ нихъ, видно, текла горячая спортивная кровь, въ этихъ ветеранахъ спорта, составлявшихъ комитетъ. И она невольно зажглась теперь, когда разгорѣлись страсти. Я понималъ ихъ и былъ съ ними совершенно согласенъ.

**
*

Во время перерыва Ричардъ подошелъ къ намъ. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду и былъ спокоенъ. Никакого смущенія нельзя было замѣтить на его красивомъ и ясномъ лицѣ. Мало того, онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ, и какъ таковой, не обращая никакого вниманія на насъ и толпу, сѣлъ рядомъ съ Мэри, взялъ ее за руку и прошепталъ ей на ухо что-то столь легкомысленное, что она замѣтно покраснѣла, и даже болѣе: когда труба распоряди-

телей призвала его снова на арену, онъ при всѣхъ обнялъ дѣвушку и звонко поцѣловалъ ее. Это замѣтили многіе кругомъ. Они громко захлопали въ ладоши и потребовали повторенія. И, конечно, Ричардъ не отказался. Онъ во второй и третій разъ поцѣловалъ Мэри. А окружающіе въ то же время прокричали трижды ура молодой четѣ въ знакъ публичнаго ихъ обрученія.

Мэри съ тоской отпускала Ричарда. Она чувствовала на себѣ сверкающій взглядъ сквозь маску неизвѣстнаго борца, и онъ порождалъ въ ней смутное безпокойство. Этотъ взглядъ что-то напоминалъ ей, и она вскорѣ вспомнила, что именно. Это былъ взглядъ того страшнаго кобольда, который похитилъ ее во снѣ. Для нея это совпаденіе было ужаснымъ: вѣдь, она вѣрила въ реальность кобольдовъ, въ ихъ дѣйствительное существованіе. Кто знаетъ? Быть можетъ, кобольдъ подслушалъ разговоръ на мосту и ея обѣщаніе отдаться тому борцу, который выйдетъ побѣдителемъ на состязаніи. Не явился ли онъ оспаривать ее у Ричарда?

Эти вопросы жгли ея душу, но она ничего не сказала ни отцу, ни Ричарду; лишь съ ужасомъ глядѣла на огромную фигуру въ черномъ трико, поджидавшую Ричарда на аренѣ.

По знаку арбитра борцы приблизились другъ къ другу. Между зрителями наскоро заключались пари. На этотъ разъ большинство ставило за неизвѣстнаго борца. Его фигура поражала своей внушительностью и массивностью. Онъ казался Геркулесомъ по сравненію съ Ричардомъ, напоминавшимъ скорѣе юнаго Аполлона. Ричардъ былъ тѣлесно красивъ; борецъ въ маскѣ красивъ и страшенъ.

Борцы схватились безъ промедленія. Въ слѣдующее же мгновеніе борецъ въ маскѣ поднялъ Ричарда на воздухъ и бросилъ его на землю. Ихъ силы были, очевидно, совершенно несоизмѣримы.

Но одна сила, грубая, животная сила, не рѣшаетъ дѣла въ борьбѣ. Техника, быстрота, ловкость имѣютъ не меньшее, если не большее значеніе. Этими-то качествами, ко-

торыми Ричардъ владѣлъ въ совершенствѣ, онъ и постарался взять. И черезъ минуту онъ уже былъ на ногахъ. Противникъ вновь и вновь бросалъ его о земь. И каждый разъ Ричардъ легко выпрямлялся тѣмъ или другимъ пріемомъ. Зрители покатывались со смѣху, видя недоумѣніе и безпомощность борца-великана, у котораго невысокій, но эластичный Ричардъ буквально ускользалъ изъ рукъ.

Ричардъ скоро сообразилъ, что главная слабость замаскированнаго борца состояла въ незнаніи пріемовъ catch-as-satch-can.

И онъ пробовалъ перейти въ атаку. Ему удалось однажды даже схватить гиганта за ногу. Но послѣдній стряхнулъ его, какъ муху. Ничто не было въ состояніи не только повалить, но даже сдвинуть эту грузную скалу, точно вросшую въ землю.

Схватка продолжалась уже четыре минуты безрезультатно для обѣихъ сторонъ. Стали поговаривать, что ни тотъ, ни другой не можетъ взять, такъ какъ они слишкомъ различны, что каждый можетъ продержаться со своей тактикой безконечно долго.

Но тутъ замаскированный борецъ, разъяренный продолжительной неудачей, напрягъ всѣ свои силы. Онъ схватилъ Ричарда за правую руку, сжалъ ее, какъ клещами, и, закинувъ ее за спину, съ силой повалилъ его на землю. Ричардъ попытался построить мостъ, но напрасно. На этотъ разъ ничто не спасло его, и невольно вырвавшійся у него стонъ возвѣстилъ о его пораженіи.

Глубокимъ молчаніемъ отозвалась толпа на горе своего героя. Ни одно рукоплесканіе, ни одно привѣтствіе не вознаградило замаскированнаго борца. Всѣмъ, даже выигравшимъ пари, было до боли досадно, что чемпіонъ Ковендаля уступилъ какому-то неизвѣстному атлету.

Между тѣмъ, Ричардъ вскочилъ, чтобы согласно обычаю протянуть руку своему противнику. Тутъ онъ почувствовалъ страшную боль въ правой рукѣ, но старался не показать виду, что онъ пострадалъ въ схваткѣ.

— Что-то правая рука у меня больше не работаетъ,—

шутливо замѣтилъ онъ.—Придется тебѣ удовлетвориться лѣвой, дружище.

И онъ протянулъ лѣвую руку.

Но никто не отвѣтилъ ему.

Замаскированный борецъ исчезъ такъ же внезапно, какъ появился.

Ричардъ оглянулся и, не находя его, пришелъ въ ярость.

— Что за чертовщина. Куда онъ пропалъ,—вскричалъ онъ.—Я хочу знать, кто онъ. Я съ нимъ поборюсь еще. Не будь я Ричардъ Эшуордъ, если я не уложу его въ слѣдующей схваткѣ. Кто же онъ?

Никто не зналъ его, никто не видѣлъ, куда онъ пропалъ.

Но прежде, чѣмъ закатилось солнце этого дня, узнала объ этомъ Мэри Кледжъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Перевелъ А. М.

Изъ воспоминаній Джэка Джонсона, чемпіона міра бокса.

ГЛАВА I.

Когда человѣкъ бѣлой расы пишетъ свои мемуары,—что я собираюсь дѣлать на этихъ страницахъ,—онъ обыкновенно начинаетъ съ изложенія исторіи своего рода. Ему кажется, что чѣмъ древнѣе родъ, тѣмъ больше интереса возбудитъ его разсказъ среди читателей. Этимъ объясняется склонность автобіографовъ къ фантазированію въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о ихъ родословной. Въ сущности же это никого не можетъ интересовать, кромѣ членовъ даннаго семейства. Тѣмъ не менѣе, я хочу подчиниться старинному обычаю и сказать нѣсколько словъ о своей родословной.

У насъ, негровъ, воспоминанія передаются по преданію, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Бѣлые люди не могутъ себѣ представить, чтобы мы такъ же гордились своими предками, какъ и они.

Они не знаютъ, что въ тѣ времена, когда намъ не были еще доступны ни школы, ни книги, мы въ длинныя ночи передавали другъ другу воспоминанія о давно прошедшихъ вѣкахъ. Безъ сомнѣнія, повѣствованія подвергались измѣненіямъ съ теченіемъ времени, но главные факты оставались тѣ же. Вымыселъ ли это или преданіе—не все ли равно? Пусть мнѣ укажутъ въ исторіи бѣлыхъ семействъ послѣднихъ 2—3 столѣтій, гдѣ правда и гдѣ вымыселъ!

Мои родители жили въ сѣверной Каролинѣ. Если долгое пребываніе въ странѣ необходимо для того, чтобы получить права гражданства, то я могу смѣло похвастаться тѣмъ, что я чистокровный американецъ. Мои предки появились въ сѣ-

жерной Америкѣ вмѣстѣ съ первыми бѣлыми колонистами, а поселились они въ сѣверной Каролинѣ вмѣстѣ съ англійскими эмигрантами, высланными изъ предѣловъ Англіи послѣ неудавшагося заговора Монмута, за 150 лѣтъ до объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ.

Вы, бѣлые люди, очень гордитесь тѣмъ, когда вашъ родъ восходитъ до среднихъ вѣковъ,—что составляетъ приблизительно 10 столѣтій. Но скажите мнѣ—кто построилъ тѣ зданія, которыя ваши предки нашли въ Палестинѣ во время крестовыхъ походовъ и которыя уже тогда стояли 20 вѣковъ? Въ какой странѣ царь Соломонъ находилъ золото, которымъ онъ покрылъ крышу своего храма? Кто выстроилъ пирамиды 40 вѣковъ тому назадъ? Какая раса воздвигла памятники въ Египтѣ, раньше чѣмъ знали о существованіи Европы, жители которой, одѣтые въ звѣриныя шкуры, влачили тогда жалкое существованіе въ пещерахъ? Которые... но къ чему все это?.. Я взялся за перо только для того, чтобы поговорить съ вами о дѣлахъ нашихъ дней.

Я увѣренъ въ томъ, что именно этому длинному ряду предковъ-тружениковъ, проводившихъ всю жизнь за работой на открытомъ воздухѣ, я обязанъ своимъ ростомъ, силою рукъ и качествомъ мускуловъ,—наслѣдствомъ, которымъ я такъ же горжусь, какъ другіе своей баронской короной.

Еще молодыми мои родители эмигрировали изъ Каролины въ Техасъ. Это было во время республики Лонъ-Старъ. Техасъ воевалъ тогда съ Мексикой изъ-за своей независимости, и несчастнымъ пограничнымъ жителямъ приходилось работать на поляхъ въ перерывахъ между стычками.

Потомъ началась междоусобная война, въ которой мой отецъ участвовалъ съ начала до конца. Онъ сражался въ безчисленныхъ бояхъ, былъ при осадѣ Виксбурга и дрался подъ командой генерала Гранта въ битвѣ подъ Аппоматоксомъ, положившей конецъ войнѣ. Мой отецъ былъ физически однимъ изъ самыхъ сильныхъ людей, которыхъ я когда-либо зналъ. Ростомъ онъ былъ нѣсколько ниже меня; но зато онъ былъ очень коренастый, съ широкими плечами.

Ему ничего не стоило нести цѣлую бочку сахара или свинаго сала, и одной рукой онъ поднималъ тюкъ хлопчатой бумаги въ 500 фунтовъ. Въ полку онъ славился своей силой. Его звали на подмогу, когда надо было вытаскивать пушку изъ ямы, или поворачивать тяжелое орудіе на лафетѣ. Думаю, что изъ него вышелъ бы великолѣпный боксеръ, если бы онъ выбралъ эту карьеру. Никогда онъ не говорилъ со мной о своей прошлой военной службѣ, но изъ его разговоровъ съ друзьями я заключилъ, что нерѣдко прибѣгали къ его содѣйствію, когда надо было укротить строптивыхъ въ полку.

Послѣ войны онъ вернулся къ своимъ родителямъ, женился и поселился въ Гальвестонѣ, гдѣ я родился 33 года тому назадъ. Тяжелая военная служба пошатнула его здоровье, такъ что онъ взялъ мѣсто привратника въ одномъ изъ большихъ домовъ этого города.

Что касается меня, то мое раннее дѣтство протекло такъ, какъ у большинства мальчиковъ моей расы и общественнаго положенія, т. е. я бѣгалъ безъ призора по улицамъ, манкировалъ своими школьными занятіями и слонялся по набережной, наблюдая цѣлыми часами за пароходами.

Но скоро наступилъ конецъ этой безпечной жизни. Насъ было шестеро дѣтей, которыхъ надо было кормить и одѣвать. Бывали тяжелыя времена въ нашемъ маленькомъ гальвестонскомъ домикѣ. Какъ только я достигъ извѣстнаго возраста, мой отецъ заставилъ меня помогать ему въ его многочисленныхъ обязанностяхъ. Тогда еще не были извѣстны механическія половыя щетки. Были только простыя щетки, которыми я мелъ съ утра до вечера. Эти противныя щетки были длиннѣе меня, и до сихъ поръ помню, какъ я радовался, когда достигъ, наконецъ, верхушки щетки. Я даже думаю, что, именно, благодаря этому метенію съ ранняго дѣтства, такъ хорошо развились у меня мышцы спины и плечъ. Во всякомъ случаѣ это было хорошей тренировкой.

Первыя деньги я заработалъ отъ одного молочника, у котораго было очень много покупателей въ Гальвестонѣ. Я оставался при лошади въ то время, какъ онъ разносилъ

молоко. Но скоро роли перемѣнились: онъ преспокойно сидѣлъ въ повозкѣ, между тѣмъ какъ я поднимался по безконечнымъ лѣстницамъ. Въ награду за это онъ мнѣ дарилъ каждую субботу десять су и пару красныхъ чулокъ. Откуда онъ ихъ только бралъ? Впрочемъ, я ими очень гордился, но еще больше радовали меня мои десять су.

Первый бой моей жизни хорошо сохранился въ моей памяти. Мои родители были очень набожные, богобоязненные люди. Больше всего на свѣтѣ они боялись, чтобы ихъ дѣти не сбились съ пути истины, и всегда старались внушить намъ любовь и уваженіе къ людямъ. Благодаря ихъ вліянію, я никогда не дрался съ другими мальчиками и даже не смѣлъ помышлять объ этомъ.

Недалеко отъ насъ жилъ одинъ мальчикъ, по имени Джекей Моррисъ, который былъ настоящимъ тираномъ всего квартала. Всѣ другія дѣти, мальчики и дѣвочки, должны были безпрекословно подчиняться его приказаніямъ. При встрѣчахъ со мной, онъ нарочно дразнилъ меня, щипалъ и всячески изводилъ. Хотя я былъ довольно большимъ тогда, но не сознавалъ своей силы и убѣгалъ, завидѣвъ его издалека. Какъ разъ противъ насъ, на той сторонѣ улицы, жила старая негритянка, которую мы всѣ звали „бабушкой Джилморой". Однажды она позвала меня и сказала:

— Послушай, Джэкъ, слѣдующій разъ, когда къ тебѣ опять пристанетъ этотъ негодяй Моррисъ, дай ему хорошенько кулакомъ. Ты увидишь, онъ тебя тогда оставитъ въ покоѣ. Понялъ?

Какъ разъ въ этотъ день Моррисъ меня увидѣлъ на улицѣ и пустился бѣгомъ за мной. Я остановился и подождалъ его. Это его нѣсколько озадачило: онъ также остановился. Это придало мнѣ храбрости, и я съ яростью напалъ на него: мнѣ надо было выместить на немъ всю обиду, накопившуюся за нѣсколько мѣсяцевъ. Я взялъ хорошій реваншъ на этотъ разъ. И съ тѣхъ поръ при встрѣчѣ не я убѣгалъ первый.

Но въ продолженіе всего дня я чувствовалъ себя прескверно, хуже, чѣмъ во время самой драки. Моя мать по-

звала меня. У нея былъ очень возмущенный видъ. Она велѣла мнѣ сѣсть около нея и, прочитавъ до конца главу Библіи, сказала мнѣ просто:—я это скажу твоему отцу, когда онъ вернется домой.

Отецъ пришелъ къ обѣду. Послѣ того какъ онъ произнесъ молитву, мать ему сказала:

— Знаете ли вы, что сдѣлалъ этотъ негодный мальчишка сегодня? Онъ дрался!

— Дрался!—воскликнулъ отецъ,—съ кѣмъ?

— Съ Джэкей Моррисомъ.

Отецъ взглянулъ на меня, и на лицѣ его появилась гримаса, плохо скрывающая улыбку.

— Да,—сказалъ онъ,—я видѣлъ сегодня Джэкей, когда проходилъ мимо ихъ дома. У него, дѣйствительно, былъ такой видъ, какъ будто онъ получилъ встрепку.

Это было все. И я успокоился. Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходилось имѣть столкновенія съ мальчиками старше и выше ростомъ меня, но мой отецъ никогда не вмѣшивался въ эти дѣла. Если бы у меня былъ сынъ, мнѣ, конечно, было бы очень непріятно, если бы онъ былъ драчуномъ. Но если бы на него напали, и онъ не отвѣтилъ бы той же монетой, мнѣ кажется, я бы самъ его отколотилъ за это. Драки между мальчиками придаютъ имъ вѣру въ себя. Это первые уроки въ жизненной борьбѣ.

ГЛАВА II.

Мой первый публичный бой произошелъ въ присутствіи маленькихъ шалуновъ моего возраста, обступившихъ меня и моего противника тѣснымъ кольцомъ. Тутъ я впервые познакомился съ тѣми ощущеніями, которые намъ даетъ арена: услыхалъ возгласы одобренія и испыталъ радость побѣды. Виновникомъ этой ссоры былъ... полисменъ.

Я тогда находился какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда намъ доставляетъ огромное удовольствіе играть съ болѣе взрослыми мальчиками. Слоняясь безцѣльно по улицамъ и набережнымъ, мнѣ часто случалось останавливаться для

того, чтобы слѣдить за игрой въ кости мальчиковъ-подростковъ, пріютившихся гдѣ-нибудь въ тѣни хлопчатобумажной кипы или сзади какого-нибудь амбара. Скоро и я также научился трясти стаканъ для игральныхъ костей, волнуясь отъ тайнаго желанія, чтобы вышло нѣсколько сотенъ очковъ.

Однажды мы мирно сидѣли за игрой и такъ были погружены въ свои занятія,—не помню точно, принималъ ли я участіе въ игрѣ, или былъ просто зрителемъ,—что не замѣтили, какъ подкрался къ намъ блюститель порядка. Когда онъ бросился на насъ, вся ватага разбѣжалась въ разныя стороны. Мнѣ не повезло,— онъ успѣлъ схватить меня за воротъ рубашки. Пришлось покориться своей участи и идти за нимъ. Мы шли, какъ вдругъ у перваго поворота улицы онъ замѣтилъ другого негритенка—Дэвъ Пэрсонъ, лежавшаго въ ящикѣ изъ-подъ печенья и тихо шевелившаго голыми ногами, какъ будто въ полусонномъ состояніи. Когда онъ увидѣлъ меня въ рукахъ полисмена, онъ сразу проснулся и посмотрѣлъ на насъ съ очень удачно симулированнымъ удивленіемъ. Надо вамъ сказать, что Дэвъ Пэрсонъ былъ какъ разъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ участниковъ, такъ некстати прерванной, игры. Когда полисменъ бросился на меня, Дэвъ, который былъ старше и у котораго были длинныя ноги, успѣлъ удрать, не бывши замѣченнымъ. Онъ кругомъ обошелъ нѣсколько домовъ и влѣзъ въ ящикъ. Теперь, при нашемъ приближеніи, онъ нѣсколько приподнялся и смотрѣлъ на насъ съ самымъ невиннымъ видомъ.

Полисменъ хранилъ молчаніе; что касается меня, то я, само собой разумѣется, ни слова не проронилъ. Когда мы очутились рядомъ съ ящикомъ, полисменъ остановился и посмотрѣлъ въ упоръ на Дэва. Этого было достаточно, чтобы заставить Дэва превратиться въ испуганнаго негритенка. Онъ моментально выскочилъ изъ своего ящика съ явнымъ намѣреніемъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Но не успѣли еще его ноги коснуться земли, какъ онъ былъ схваченъ крѣпкой рукой.

— Ну вотъ и тебя поймалъ, маленькій негодяй!—сказалъ полисменъ.

И вотъ онъ шествуетъ по улицамъ съ двумя несчастными сконфуженными мальчиками по бокамъ, которыхъ онъ держитъ желѣзной рукой. Изъ участка насъ выручили наши матери, обѣщавъ наказать насъ какъ слѣдуетъ дома.

Послѣ этого распространился слухъ среди нашихъ товарищей, что выдалъ Дэва полисмену никто иной, какъ я. Это была ложь и тяжкое оскорбленіе, котораго нельзя простить. Я былъ внѣ себя отъ горя и стыда, ходилъ какъ безумный и произносилъ такія слова, которыхъ до этого никто никогда отъ меня не слыхалъ.

— Это—мерзкая ложь, и я непремѣнно вздую того проклятаго лгуна, который сказалъ это.

— Даже если это самъ Дэвъ Пэрсонъ?—возразилъ мнѣ кто-то изъ товарищей.

— Даже, если это самъ чортъ, и то не отступлюсь!

На другой день я встрѣтилъ Дэва на пристани.

— Это ты сказалъ, что я проклятый лгунъ?

— Я сказалъ, что проклятый лгунъ тотъ, кто назвалъ меня предателемъ и обѣщалъ хорошенько проучить его за это.

— Меня проучить?

— Да, тебя, если ты это сказалъ.

Этого было достаточно. Немедленно образовалось вокругъ насъ кольцо изъ мальчиковъ, которымъ очень хотѣлось увидѣть, чѣмъ это кончится. Дэвъ былъ старше и тяжелѣе меня и, кромѣ того, у него было больше опыта. Но я дрался, какъ изступленный, и въ концѣ-концовъ одержалъ верхъ.

Впослѣдствіи, долженъ сознаться, у меня частенько бывали стычки съ другими мальчиками, изъ-за пустяковъ, которые казались намъ тогда очень серьезными поводами—то изъ-за одного никеля (5 центовъ), то изъ-за кого-нибудь спора. Всѣ, помнящіе свое дѣтство, знаютъ, что среди мальчиковъ это обычное явленіе. Одно только могу сказать въ свое оправданіе: хотя я никогда не старался избѣгать драки, но зато никогда и не искалъ ея; меня никогда

не забавляло нападать на мальчиковъ меньше и слабѣе меня. Вотъ почему меня такъ всѣ любили.

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ ранняго дѣтства. Помню, какъ девяти лѣтъ я захотѣлъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ. Мое домашнее занятіе—выметаніе пыли—было мнѣ не по душѣ. Я хотѣлъ уйти изъ дома и начать работать самостоятельно.

Въ нашемъ маленькомъ домикѣ въ Гальвестонѣ не всегда было весело; иногда нашей семьѣ приходилось терпѣть большія лишенія. У моей матери было много заботъ, и она часто ходила такая грустная. Тогда я принимался ее утѣшать.

— Подожди, мама,—говорилъ я ей,—когда я буду большой, я куплю землю и выстрою одноэтажный домъ съ террасами вокругъ, по которымъ будутъ подниматься вьющіяся растенія. Потомъ сзади будетъ дворъ; у насъ будетъ корова и куры, которыя будутъ нести огромныя яйца для васъ.

Я все просилъ, чтобы она меня отпустила, увѣряя, что я вернусь съ большими деньгами. Но она смѣялась надо мной и говорила, что пока мнѣ надо только ходить въ школу и стараться быть честнымъ человѣкомъ.

Но мнѣ не давала покоя мысль уйти изъ родительскаго дома для того, чтобы зарабатывать деньги. Нѣсколько разъ я убѣгалъ изъ дома. Но каждый разъ сестра Люси находила меня и приводила обратно. Только послѣдній разъ ей это не удалось. Добровольно я не шелъ домой, ей пришлось силой привести меня домой. Славная она была! Все это она дѣлала изъ любви ко мнѣ, имѣя въ виду только мою пользу.

У моей матери, какъ у всѣхъ добрыхъ матерей, которыхъ я зналъ, было черезчуръ нѣжное сердце. У нея была цѣлая ватага невыносимыхъ дѣтей, съ которыми она была не въ силахъ справиться. Когда, выведенная изъ терпѣнія, она бралась за розги, мы нарочно падали и притворялись плачущими. Кончалось тѣмъ, что вмѣсто розогъ, мы получали по куску сладкаго пирога.

Съ сестрой Люсей было уже не то. Она отлично знала

всѣ мои „штуки", такъ какъ сама ихъ продѣлывала раньше, и никакой возможности не было ее обмануть. Она очень рѣшительно брала розги и сѣкла насъ. Я все-таки пытался сопротивляться, но это была большая здоровая дѣвушка, гораздо сильнѣе меня. Я всегда говорилъ, что не виноватъ; но теперь сознаюсь, что когда она меня сѣкла, то это было по заслугамъ.

Была одна вещь, которую я любилъ больше всего. Это былъ пудингъ изъ яицъ. Въ тѣ дни, когда моя мать готовила это кушанье, я все время вертѣлся около плиты. Всѣ дѣти любятъ сладкое, но я былъ какимъ-то особеннымъ сластеной.

Я никакъ не могъ дождаться, чтобы сладкій пирогъ былъ испеченъ какъ слѣдуетъ, и какъ только моя мать отворачивалась въ сторону, я открывалъ печь и отрѣзывалъ кусочекъ пирога. Когда у меня не было подъ рукой ножа или вилки, я продѣлывалъ это пальцами, причемъ часто очень больно обжигался. Но все это ничего. А вотъ иногда сестра Люси замѣчала это, тогда она налетала на меня, какъ коршунъ на свою добычу, и кончалось это обыкновенно очень плачевно для меня.

Какъ я ни старался скрыть свои слѣды, во время неоднократныхъ попытокъ бѣжать изъ дома, всегда кончалось тѣмъ, что сестра Люси находила меня. Когда я прятался въ поѣздѣ, съ цѣлью выйти на первой станціи, она какимъ-то образомъ это узнавала и немедленно являлась за мной. Когда я убѣгалъ въ гавань, я не успѣвалъ еще выбрать амбаръ для мѣстожительства или ящикъ для ложа, какъ она находила меня задолго до наступленія вечера. Правда, она была немного колдуньей!

Однако, послѣдній разъ, когда я убѣжалъ изъ родительскаго дома, я нашелъ способъ, благодаря которому Люси не могла уже настичъ меня. Но раньше я долженъ вамъ объяснить причины моего бѣгства и разсказать по порядку, какъ все это произошло. Теперь всѣ эти приключенія могутъ казаться забавными, но тогда мнѣ было не до смѣху, могу васъ увѣрить.

ГЛАВА III.

Тремя главными дѣйствующими лицами этой траги-комической исторіи, на которую я смотрю теперь, какъ на комедію, но которая казалась мнѣ тогда потрясающей драмой, были: одинъ негръ-проповѣдникъ, котораго мы назовемъ Симонсомъ, онъ еще живъ; это богобоязненный человѣкъ, котораго я ни за что не хотѣлъ бы оскорблять въ его убѣжденіяхъ или вскрывать его старыя раны,—затѣмъ трактирщикъ по имени Павелъ, и, наконецъ, маленькій негритенокъ лѣтъ двѣнадцати,—вы уже, конечно, догадались, о комъ идетъ рѣчь.

Въ началѣ этого разсказа я еще разъ хочу напомнить читателю, что мои родители были оба очень набожны и считались ревностными послѣдователями методистской церкви.

Братъ Симонсъ былъ пасторомъ небольшой секты, которой онъ читалъ проповѣди каждое воскресенье. Въ теченіе недѣли онъ исполнялъ работу прачечника, не отказываясь, впрочемъ, отъ всякой другой работы, лишь бы она ему давала возможность существовать, такъ какъ ему не хватало ничтожнаго жалованья проповѣдника. Это былъ хорошій прачечникъ. Но люди, дававшіе ему работу, замѣчали, что за нимъ водится маленькій грѣшокъ: „немного дмина для желудка“, какъ онъ говорилъ. Такъ какъ его всѣ любили, то, отдавая ему бѣлье, прибавляли еще и маленькую черненькую бутылочку, отъ которой работа еще лучше шла. Когда, бывало, онъ пѣлъ духовную пѣснь:—Что вы будете дѣлать, когда великій день настанетъ?—всѣ знали, что его работа будетъ быстро и хорошо сдѣлана.

Въ субботу, о которой идетъ рѣчь, у добраго Симонса была большая корзина съ бѣльемъ и соотвѣтствующая этому бутылка. Къ вечеру онъ усталъ и ощущалъ сухость во рту. Онъ думалъ, что стаканъ джина хорошо подѣйствуетъ на желудокъ, и онъ подозвалъ негритенка:

— Джэкъ, сходи къ Павлу съ этой бутылкой. Скажи ему,

чтобъ онъ въ нее налилъ полпинты джина. Я ему заплачу на будущей недѣли.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ приходилось выпивать порядочное количество джина въ теченіе одного вечера, могутъ себѣ хорошо представить, въ какомъ видѣ былъ нашъ милый пасторъ въ воскресенье утромъ.

Когда насталъ часъ обѣдни, у него мысли не клеились въ головѣ. Онъ пользовался репутаціей велерѣчиваго оратора, импровизирующаго свои рѣчи съ большой легкостью. Къ несчастью, у него было наканунѣ вечеромъ слишкомъ много работы для того, чтобы приготовить свою импровизацію. Онъ сидѣлъ на стулѣ въ ризницѣ и думалъ печалью о томъ, что нѣсколько рюмокъ джина могли бы вернуть ему вдохновеніе.

За дверью, на этажеркѣ, стояла черная бутылка; онъ смотрѣлъ на нее однимъ глазомъ, сладко улыбаясь при этомъ. Но она ничего не отвѣчала, что неудивительно, такъ какъ она была пуста. Вдругъ онъ увидѣлъ за церковью негритенка, оказавшаго ему услугу наканунѣ вечеромъ. Онъ его подозвалъ и протянулъ ему бутылку:

— Голубчикъ, возьми эту бутылку, сбѣгай къ Павлу и скажи ему, чтобы онъ въ нее налилъ пинту джина. Онъ этимъ окажетъ большое одолженіе брату Симонсу, чувствующему небошую слабость сегодня утромъ.

Мальчикъ взялъ бутылку и убѣжалъ, между тѣмъ какъ пасторъ продолжалъ размышлять въ ризницѣ о своей предстоящей проповѣди.

Изъ церкви доносилось пѣніе молящихся. Сдѣлали перерывъ въ ожиданіи проповѣдника, который все еще не являлся. Запѣли другую духовную пѣснь. Понимая, что ему нельзя больше медлить, братъ Симонсъ дѣлаетъ огромное усиліе, чтобы приластать, входитъ въ церковь и поднимается на каѳедру. Онъ кладетъ рядомъ съ собой свой цилиндръ, на которомъ остались слѣды мыла, бросаетъ носовой платокъ въ шляпу, поправляетъ очки, кашляетъ 2—3 раза, чтобы прояснился голосъ, и открываетъ Библію наугадъ. Но слова не даются ему; онъ запинается. Наконецъ, собравшись

съ духомъ, онъ обводитъ взоромъ присутствующихъ, погруженныхъ въ почтительное молчаніе, и начинаетъ:

— Дорогіе братья и сестры, тему для нашей сегодняшней бесѣды мы почерпнемъ изъ словъ святыхъ Петра и Павла. Знаете ли вы, что говорятъ эти оба апостола? Нѣтъ, вы этого не знаете. Что говоритъ Павелъ? Вы и этого не знаете.

И стуча по каѳедрѣ кулакомъ, онъ продолжалъ:

— А что говоритъ Павелъ, повторяю...

Вдругъ изъ глубины церкви раздается дѣтскій голосъ:

— Онъ говоритъ, господинъ, что онъ не дастъ вамъ больше джина, пока вы не уплатите за вчерашнюю бутылку.

Какъ безумный, слетѣлъ братъ Симонсъ внизъ по ступенькамъ каѳедры и пустился бѣжать.

Произошелъ переполохъ среди присутствующихъ. Я выскочилъ изъ церкви и побѣжалъ по направленію къ пристани. За мною по пятамъ нашъ проповѣдникъ. Мнѣ удалось ускользнуть отъ него, и я пробрался незамѣтно на пароходъ, который какъ разъ въ это время снимался съ якоря. Въ суматохѣ никто не обратилъ вниманія на меня, и мнѣ удалось спрятаться подъ верстакомъ плотника. Вскорѣ пароходъ вышелъ изъ гавани. Это былъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, пароходъ „Независимость" (капитанъ Самъ Биль), отправлявшійся изъ Гальвестона въ Бостонъ. Мнѣ шелъ тогда двѣнадцатый годъ. Передъ этимъ мнѣ часто случалось бывать на пароходахъ въ гавани или на рѣкѣ, но въ открытомъ морѣ это былъ первый разъ. Вдругъ я почувствовалъ головокруженіе и тошноту; мнѣ было такъ плохо, что я думалъ умереть,—я узналъ, что такое морская болѣзнь. Такъ я пролежалъ цѣлыя сутки. На другой день меня замѣтилъ одинъ матросъ; онъ вытащилъ меня за ногу изъ-подъ верстака и повелъ къ капитану. Капитанъ оказался добрымъ человѣкомъ, неспособнымъ причинить зло мальчику. Онъ меня спросилъ, какимъ образомъ я попалъ на пароходъ.

— Какъ твое имя, мальчикъ?

— Джэкъ Джонсонъ, господинъ.

— Гдѣ ты живешь?

— Въ Гальвестонѣ, господинъ.
— Какъ зовутъ твоего отца?
— Генри Джонсонъ, господинъ.
— Куда ты ѣдешь?
— Туда, куда идетъ „Независимость", господинъ.
— Ахъ, негодный мальчишка!

Онъ разсердился. Но я былъ слишкомъ боленъ, чтобы бояться чего-нибудь. Капитанъ обратился къ подшкиперу:

— Впишите этого мальчика въ книгу парохода, а также имя отца и адресъ; затѣмъ отправьте его на кухню. Мы его спустимъ въ Кей-Вестѣ.

Я мечталъ доѣхать до Бостона. Удастся ли мнѣ это, я самъ не зналъ. Но въ данную минуту мнѣ было совершенно безразлично. У меня было только одно желаніе: какъ можно скорѣе почувствовать твердую землю подъ ногами. Я былъ слишкомъ боленъ для того, чтобы помогать на кухнѣ. Такъ какъ я ничего не ѣлъ, то мое содержаніе мнѣ недорого обходилось.

Два—три дня пути въ морѣ до остановки въ Кей-Вестѣ я провелъ на палубѣ, стараясь не попадаться на глаза капитану и его помощникамъ. Въ Кей-Вестѣ меня буквально выбросили изъ судна, и я очутился на сушѣ, подобно обломку корабля, выброшенному на берегъ. Часа два я скитался по улицамъ незнакомаго города, и когда вернулся, увидѣлъ людей моей расы, поднимавшихся на пароходъ съ раковинами, которыя они предлагали пассажирамъ. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ на сушѣ, хорошо на меня подѣйствовали. Я забылъ о своихъ прежнихъ страданіяхъ и рѣшился снова пробраться на пароходъ. Я прошелся немного по берегу, нашелъ здѣсь нѣсколько раковинъ, оставленныхъ дѣтьми, вѣроятно, и перешелъ черезъ мостикъ на пароходъ. Не успѣлъ я еще встать одной ногой на палубу, какъ одинъ изъ матросовъ меня увидѣлъ и узналъ. Я бросилъ свои раковины, чтобы скорѣе удрать. Не могу вамъ сказать, какое отчаяніе овладѣло мной, когда, немного спустя, я увидѣлъ свой пароходъ снимавшимся съ якоря. Въ то время Кей-Вестъ обслуживался только одинъ

разъ въ недѣлю пароходомъ, совершавшимъ рейсы между Бостономъ и Гальвестономъ. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось ждать цѣлую недѣлю въ чужомъ городѣ безъ всякихъ средствъ. Для того, чтобы выспаться, мнѣ стоило только прилечь гдѣ-нибудь; что касается ѣды, то здѣсь дѣло обстояло не такъ хорошо. Я началъ искать себѣ какой-либо работы. Но такихъ молодыхъ негровъ, которые желали зарабатывать свой хлѣбъ такъ же, какъ я, было много. Наконецъ, мнѣ представился случай уѣхать въ море съ искателями губокъ. Это было единственнымъ выходомъ изъ моего положенія, и я согласился. Я хорошо умѣлъ плавать и нырять, а претензіи мои относительно вознагражденія были самыя скромныя. Но я не могъ долго работать, такъ какъ со мной все время повторялись приступы морской болѣзни. Черезъ 2—3 дня имъ надоѣло возиться съ такимъ упорнымъ больнымъ, и я опять очутился на улицѣ.

Днемъ я скитался по улицамъ и набережнымъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба; ночью я спалъ гдѣ попало—на кипѣ хлопчатой бумаги или на сверткѣ канатовъ. Наконецъ, я познакомился съ однимъ пароходнымъ выгрузчикомъ, которому я открылъ свое завѣтное желаніе попасть въ Бостонъ. Въ свою очередь, онъ мнѣ признался, что рѣшилъ спрятаться на слѣдующемъ отходящемъ пароходѣ и предложилъ мнѣ попытать счастья вмѣстѣ съ нимъ. Мы обсудили все наше дѣло и сговорились. На другой день пароходъ пришелъ. Когда онъ причалилъ къ пристани, началась выгрузка товаровъ, которые на телѣжкахъ отвозились на пристань. Я помогалъ своему новому другу. Среди массы выгрузчиковъ, сновавшихъ взадъ и впередъ съ палубы на пристань, насъ никто не узнавалъ. Когда же работа окончилась, я какъ-то забылъ покинуть пароходъ. Мой новый товарищъ сдѣлалъ свою послѣднюю выгрузку и пришелъ еще разъ, помогая товарищу, который послѣ этого ушелъ одинъ. Въ толпѣ пассажировъ никто насъ не замѣчалъ. Скоро мы очутились въ открытомъ морѣ. Провизіи мы взяли съ собой на нѣсколько дней и если бъ не

эта противная морская болѣзнь, которой я захворалъ, какъ только мы вышли изъ порта, я бы доѣхалъ до Бостона безъ всякихъ приключеній.

ГЛАВА IV.

Около сутокъ я пролежалъ, какъ пластъ.

Морская болѣзнь, чрезвычайно усиливавшаяся вслѣдствіе отвратительнаго зловонія въ тѣсномъ помѣщеніи, гдѣ мы спрятались, не давала мнѣ ни минуты покоя. Мнѣ казалось, что я умираю. Мои стоны привлекли вниманіе матроса, и черезъ нѣсколько минутъ меня извлекли изъ моего угла и повели на палубу. Здѣсь я предсталъ передъ грозныя очи капитана; повторилась точь-въ-точь та же сцена, какъ и съ капитаномъ на пароходѣ „Независимость“,—меня послали на кухню помогать повару. Послѣдній засадилъ меня за чистку картофеля. Но жара, духота и кухонный чадъ дѣйствовали на меня убійственнымъ образомъ, такъ что я скоро надоѣлъ повару. Меня отправили къ кочегарамъ, которымъ я долженъ былъ передавать уголь. Но какъ я могъ работать, когда у меня не было силы даже поднять лопату; кочегары, наконецъ, сжалились надо мной. Остальное время я только и дѣлалъ, что ѣлъ лимоны. Я ихъ съѣлъ цѣлый ящикъ. Когда я пріѣхалъ въ Бостонъ, у меня десны и зубы такъ болѣли, что я почти не могъ закрывать рта. Можете себѣ представить мою радость, когда я очутился, наконецъ, на твердой землѣ! Правда, у меня не было ни гроша въ карманѣ, знакомыхъ—ни души, и я первый разъ видѣлъ большой городъ. Я зналъ также, по личному опыту, какой пріемъ устраиваютъ городскіе мальчишки новичку. Но я не отчаивался, полагаясь на свою силу. Моей первой заботой было найти уголъ для ночлега, а затѣмъ раздобыть чего-нибудь поѣсть, чтобы подкрѣпить свои силы. Я устроился у очень доброй женщины, м-съ Диббль, которой я долженъ былъ помогать по хозяйству утромъ и вечеромъ; за это она меня кормила и посылала въ школу послѣ обѣда. Между дѣломъ я еще ухитрялся

зарабатывать кое-какія деньги. Въ общемъ я себя прекрасно чувствовалъ въ Бостонѣ. Конечно, вначалѣ у меня бывали стычки съ мѣстными мальчиками, желавшими попробовать свои силы на новичкѣ. Я ихъ не искалъ, но еще менѣе избѣгалъ, и кончилось тѣмъ, что они меня оставили въ покоѣ.

Одна изъ этихъ дракъ мнѣ особенно памятна. Противникомъ моимъ былъ мальчикъ, по имени Левисъ. Это былъ извѣстный задира. Между нами произошло недоразумѣніе, окончившееся боемъ на городской площади. На этотъ разъ это было серьезно. Левисъ былъ индѣецъ съ Запада; онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о боксѣ. Этотъ поединокъ былъ самымъ ожесточеннымъ изо всѣхъ предшествовавшихъ поединковъ; но мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало побѣдить для того, чтобы сохранить свой престижъ въ глазахъ другихъ мальчиковъ. Бой продолжался до тѣхъ поръ, пока насъ не разняли нѣсколько зрителей. Долженъ сознаться, что я этому очень обрадовался, и мой противникъ также, хотя онъ этого ничѣмъ не выразилъ.

Въ Бостонѣ я прожилъ четыре года, стараясь посѣщать школу, какъ можно чаще. Кромѣ того, я работалъ, когда находилъ работу, и старательно копилъ деньги. Благодаря этому, я могъ въ эти четыре года съѣздить два раза къ своимъ родителямъ и погостить нѣсколько дней у нихъ.

Мнѣ было около 15 лѣтъ, когда я разстался съ Бостономъ, чтобы вернуться на родину. Нѣкоторое время я жилъ у своихъ родителей, въ поискахъ за какой-нибудь должностью въ Гальвестонѣ или его окрестностяхъ. Наконецъ, я рѣшилъ пристроиться къ скаковымъ конюшнямъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ я былъ послѣдовательно конюшеннымъ мальчикомъ, жокеемъ и, наконецъ, тренеромъ. Я перебывалъ на службѣ у нѣсколькихъ владѣльцевъ, скакалъ на ихъ лошадяхъ, но скоро это мнѣ надоѣло, и я промѣнялъ лошадь на велосипедъ, на которомъ вначалѣ сдѣлалъ быстрые успѣхи. Приходилось попеременно то выигрывать, то проигрывать на гонкахъ. Въ общемъ, я былъ очень не важенъ въ этомъ спортѣ, и если бы я даже

приложилъ всѣ свои старанія, все-равно изъ меня никогда бы не вышелъ всемірный чемпіонъ. Однажды я серьезно упалъ во время гонокъ съ Клемъ Джонсономъ въ Гальвестонѣ. У меня были повреждены нога и бокъ и мнѣ пришлось лечь въ больницу. Этотъ несчастный случай такъ на меня повліялъ, что я рѣшилъ окончательно бросить велосипедъ и найти менѣе опасное занятіе. Я поступилъ въ Далласѣ къ одному маляру. Маляръ этотъ былъ страстнымъ любителемъ бокса, и я гораздо скорѣе научился пріемамъ бокса, чѣмъ покрыванію краской крышъ домовъ или оклейкѣ обоями комнатъ. Почти каждый вечеръ у насъ собирались для бокса, и хотя ему далеко было до хорошаго боксера, тѣмъ не менѣе онъ меня научилъ всему тому, что онъ самъ зналъ. Такимъ образомъ, я усвоилъ себѣ извѣстную выдержку и умѣнье дышать.

Тогда я началъ искать противниковъ въ этой мѣстности, и въ Гальвестонѣ произошло мое первое состязаніе на призъ. Судя по сравнительно крупнымъ суммамъ, которыя зарабатываютъ извѣстные боксеры, воображаютъ, что карьера боксера—идеальная карьера. Не думаютъ о томъ, сколько на одного удачника приходится несчастныхъ боксеровъ, съ большимъ трудомъ зарабатывающихъ свой хлѣбъ. А, между тѣмъ, для начинающихъ, какъ второстепенныхъ боксеровъ, такъ и будущихъ чемпіоновъ, одинаково трудно пробивать себѣ дорогу. Что касается меня, то начало моей карьеры было прямо-таки ужасно. Часто я всходилъ на арену совершенно голоднымъ, такъ какъ ничего не ѣлъ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Увѣряю васъ, что мнѣ понадобилась масса энергіи и силы воли, чтобы не отказаться отъ этой профессіи. Единственно, что меня поддерживало, такъ это мысль, что мнѣ необходимо зарабатывать много денегъ, если я хочу помогать своей бѣдной матери, у которой была дома цѣлая орава дѣтей, которыхъ надо было накормить, обуть, одѣть.

Поэтому вы можете себѣ представить мою радость, когда мой первый поединокъ окончился побѣдой для меня! Противникомъ моимъ былъ нѣкто Ли. Мнѣ трудно было

справиться съ нимъ. Однако это мнѣ удалось на 16 раундѣ.

Послѣ этого у меня было еще нѣсколько матчей въ окрестностяхъ Гальвестона. Затѣмъ я уѣхалъ въ Мемфасъ, гдѣ встрѣтился съ Клондикомъ; котораго побилъ на 9-мъ раундѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя я его снова встрѣтилъ, и мы сдѣлали матчъ въ ничью въ 20 раундовъ. Въ послѣднемъ съ нимъ поединкѣ я его послалъ спать на 13-мъ раундѣ.

Оттуда я отправился въ Чикаго, но финансы мои не позволили мнѣ ѣхать дальше Спрангфильда. Я поступилъ пансіонеромъ къ нѣкоему Джону Картеру, который меня продержалъ двѣ недѣли раньше, чѣмъ достать мнѣ матчъ. За недостаткомъ серьезнаго противника, онъ нашелъ ихъ цѣлыхъ пять, пять длинныхъ чертей, которыхъ надо было побить одного за другимъ. Они не были особенно опасными противниками въ боксѣ, но при пятомъ, правда, я ужъ начиналъ чувствовать нѣкоторую усталость.

К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обезьянья ловкость.

Разсказъ Стефана Мозіеръ.

(Съ французскаго).

На площади нормандскаго городка Севадъ собралась масса народа. Гирлянды цвѣтовъ украшали окна. На зданіи мэріи развѣвался національный флагъ. Люди чернѣли на высокихъ балконахъ, въ открытыхъ окнахъ, мѣстами на крышахъ домовъ.

По главной улицѣ города, прилегавшей къ площади, приближалась торжественная процессія. Самъ мэръ города, окруженный членами совѣта, ѣхалъ проводить мѣстнаго авіатора Антонія Поантивена въ дальнее путешествіе, на другой конецъ Франціи, которое онъ въ этотъ день предпринималъ.

Аэропланъ стоялъ среди площади, окруженный жандармами, съ трудомъ сдерживавшими напоръ прибывавшей толпы. Нѣсколько механиковъ провѣряли аппаратъ, время отъ времени пускали для пробы моторъ, что многіе наивные зрители принимали за знакъ къ отъѣзду.

Въ полдень на автомобилѣ прикатилъ и герой дня, молодой авіаторъ, ужъ успѣвшій прославиться въ своей странѣ.

Его встрѣтили громкими возгласами, восторженными привѣтствіями, подбрасываніемъ шляпъ и котелковъ.

Нѣкоторыя старыя дамы расплакались. Онѣ никогда не видѣли полета на аэропланѣ и не вѣрили ему. Онѣ вспоминали дорогихъ людей, которыхъ отняло у нихъ море, столь родная стихія. А воздухъ казался имъ еще страшнѣе.

Но молодые люди смѣялись надъ ихъ слезами. Они подбѣгали къ аэроплану и обратно и съ увѣренностью заявляли, что съ такой машиной опасаться нечего, что Поантевена всѣ знаютъ, какъ человѣка обезьяньей ловкости, что онъ все умѣетъ предусмотрѣть и не знаетъ, что такое несчастіе.

Мэръ города отдѣлился отъ толпы и съ листкомъ въ рукѣ подошелъ къ авіатору.

Его рѣчь звучала отчетливо и такъ громко, что даже стоявшіе на балконахъ и крышахъ слышали каждое слово.

— Дорогой соотечественникъ. Вы—наша гордость и слава. Какъ птица, взовьетесь вы въ небеса и разнесете по всей странѣ вѣсть о нашемъ славномъ городѣ. Вы дитя нашихъ мѣстъ. Здѣсь корни вашей отчаянно4 смѣлости и исключительной, обезьяньей ловкости. Летите, молодой человѣкъ, и помните, что этотъ перелетъ вашъ отъ моря до моря, если онъ удастся, увѣковѣчитъ ваше имя въ памяти потомства.

Авіаторъ, видимо, смущенный, лишь невнятно пробормоталъ въ отвѣтъ:—Мерси, мерси.—Но затѣмъ, оправившись, горделиво взмахнулъ каской, посылая послѣдній привѣтъ народу, и увѣренно занялъ свое мѣсто на аппаратѣ.

Толпа загудѣла все громче и громче, наконецъ, точно сорвалась съ мѣста, въ бѣшеныхъ овацiяхъ, казалось, готовая прорвать цѣпь солдатъ и раздавить аппаратъ и авіатора.

Среди криковъ и возгласовъ моторъ зашумѣлъ неслышно, и внезапный плавный взлетъ поразилъ всѣхъ своей неожиданностью.

На моментъ крики притихли, но затѣмъ поднялись съ удвоенной силой. Пьяные матросы пустились въ плясъ, размахивая руками и бутылками. Автомобилисты, велосипедисты пустились въ слѣдъ улетающему аэроплану.

Въ этотъ моментъ случилось нѣчто несуразное и до крайности удивительное.

Аэропланъ, совершивъ надъ площадью низкій кругъ, готовился ужъ подняться ввысь, какъ какой то тяжелый пред-

метъ, точно бутылка, вылетѣлъ изъ толпы и угодилъ, очевидно, прямо въ авіатора.

Пораженный онъ свалился съ аппарата, къ счастью, на руки подбѣжавшихъ матросовъ.

Но аэропланъ, ко всеобщему удивленію, продолжалъ свой полетъ, взвивался подъ самыя облака, и вскорѣ скрылся изъ глазъ.

На слѣдующій день въ мѣстной газетѣ появилась слѣдующая замѣтка: „Нашъ хваленый авіаторъ — Антоній Поантевенъ - безусловный шантажистъ. Въ тотъ моментъ, какъ онъ упалъ съ аэроплана на глазахъ многочисленной толпы, присутствовавшіе могли ясно различить оставшуюся на мѣстѣ авіатора и управлявшую рулями обезьяну, которая и унеслась съ аппаратомъ по направленію къ морю. Очевидно, все искусство Поантевена заключалось въ томъ, что онъ обучилъ обезьяну управлять аппаратомъ и незамѣтно для публики бралъ ее съ собой во время полетовъ, чѣмъ и объясняются его исключительные успѣхи“.

Старички, читавшіе газету, глубокомысленно покачивали головами и приговаривали.

— Кто знаетъ? Можетъ и такъ. Конечно, за обезьяной гдѣ намъ угнаться. Дѣло мастера боится. Ей и карты въ руки.

Пер. А. М.

Физіологическіе очерки.

I.

Жизнь мышцы.

Мышечная ткань, какъ и всякая ткань нашего организма, состоитъ изъ мельчайшихъ, невидимыхъ простымъ глазомъ, частицъ-клѣтокъ, устроенныхъ, въ виду особенности тѣхъ функцій, которыя имъ предназначено нести, нѣсколько своеобразно. Клѣтки эти длинны, вытянуты, заострены къ концамъ, что и придаетъ имъ характерный видъ веретена. Онѣ покрыты плотной оболочкой, такъ называемой сарколеммой, внутри которой заключается вещество, обладающее способностью сокращаться, т. е. укорачиваться въ одномъ направленіи и увеличиваться въ другомъ. Соединяясь другъ съ другомъ, посредствомъ рыхлой соединительной ткани и сохраняя при этомъ все тотъ же видъ веретенообразной нити, эти клѣтки образуютъ длинныя мышечныя волокна, а изъ этихъ послѣднихъ и формируется уже вся мышца, опять-таки благодаря присутствію той же соединительной ткани. Заостренные концы волоконъ уже не содержатъ этой главной составной части мышечной ткани сократительнаго вещества. Они представляютъ собой тоненькія сухожилья, которыя, переплетаясь между собой, образуютъ крѣпкія сухожильныя тяжи или растяженія, смотря по мѣсту прикрѣпленія и характеру мышцы. Къ каждой отдѣльной мышцѣ подходитъ ея неизбѣжный спутникъ—нервъ, расчленяющійся при

входѣ въ мышцу на множество болѣе мелкихъ вѣтвей, и каждая такая вѣтка отправляется къ назначенному ей мышечному волокну. Дополнивъ наши свѣдѣнія еще тѣмъ фактомъ, что къ мышцѣ подходитъ артерія, несущая богатую кислородомъ кровь и распадающаяся въ толщѣ мышцы на огромное количество мельчайшихъ волосныхъ сосудовъ, заботливо окружающихъ и питающихъ каждую клѣтку, тѣмъ, что эти артеріальные капиляры въ концѣ-концовъ превращаются въ венозные, содержащіе уже отработанную, негодную къ употребленію кровь и тѣмъ, что эти венозные капиляры, дѣлаясь все крупнѣй и крупнѣй, превращаются въ вену, относящую эту негодную кровь къ органамъ, гдѣ она можетъ быть переработана,—мы будемъ имѣть вкратцѣ точное представленіе объ анатомическомъ устройствѣ мышечной ткани. Необходимо еще принять въ соображеніе то обстоятельство, что функція мышцы неразрывно связана съ этими элементами, входящими въ нее: нервъ передаетъ изъ центра нашего сознанія тотъ толчекъ, который заставляетъ ее реагировать на это сокращеніемъ; по артеріи притекаетъ кровь, несущая питательный матеріалъ для мышечной ткани, и, наконецъ, вена уноситъ въ своемъ токѣ крови тѣ продукты жизнедѣятельности мышцы, которые для нея и лишни и даже вредны.

Для всякой мышцы существуютъ два состоянія—состояніе покоя и состояніе сокращенія. Врочемъ, здѣсь приходится оговориться, что нормально такое состояніе покоя въ живомъ организмѣ отсутствуетъ наоборотъ, мышцы всегда нѣсколько растянуты между точками прикрѣпленія, и это состояніе носитъ названіе тонуса мышцъ. Этотъ тонусъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ громадное значеніе. Такъ, напримѣръ, лопатка имѣетъ только одинъ суставъ съ ключицей и удерживается въ своемъ положеніи исключительно благодаря тонусу прикрѣпленныхъ къ ней мышцъ. Однако, принимая во вниманіе, что такое состояніе мышечной системы общее и даже не имѣетъ, повидимому, исключеній, мы принимаемъ это нормальное состояніе тонуса за состояніе полнаго мышечнаго покоя. Другое положеніе, которое свойственно мышцѣ,—это состояніе сокращенія. Вся

масса сократительнаго вещества, заключеннаго во множествѣ клѣтокъ, составляющихъ мышечную ткань, сжимается, утолщая и укорачивая мышцу. Въ нормальномъ состояніи это явленіе неразрывно связано съ нашей волей, проводникъ которой — нервъ передаетъ это приказаніе мышцѣ произвести нѣкоторую работу, но изолированную мышцу можно привести въ состояніе сокращенія также посредствомъ и другихъ дѣятелей, такъ: физическіе, механическіе и химическіе агенты также при извѣстныхъ условіяхъ вызываютъ тотъ же самый эффектъ.

Какъ уже было пояснено выше, токомъ артеріальной крови подвозится къ мышцѣ тотъ питательный матеріалъ, который необходимъ для ея жизнедѣятельности. Эти вещества, служащія для питанія мышцы, потребляются ею подобно топливу, они сжигаются, а продукты этого горѣнія и выводятся обратно по венамъ въ токъ венозной крови. Однако, природа, какъ вездѣ заботящаяся о своихъ созданіяхъ, какъ добрая мать, устроила и здѣсь все предусмотрительно и мудро. Питательный матеріалъ, подвозимый кровью къ мышечной ткани, не весь цѣликомъ поглощается мышцей, но часть его откладывается въ ней въ видѣ запаса на тотъ случай, когда мышца будетъ ощущать недостатокъ въ своемъ питаніи. И дѣйствительно, когда мышца начинаетъ усиленно работать, когда несмотря на усиленный подвозъ питательнаго матеріала, благодаря болѣе интенсивной циркуляціи крови въ сосудахъ, этихъ питательныхъ веществъ все-таки недостаточно для того, чтобы возмѣстить тѣ потери, которыя несетъ мышца, тогда и начинается потребленіе этихъ запасовъ. Если же мышца работаетъ слишкомъ много и слишкомъ продолжительно, то можетъ наступить моментъ, когда мышцы истощатся, и уже дальнѣйшая работа мышцы будетъ производиться насчетъ сгоранія ея собственнаго вещества.

Природа дала каждому органу, каждой ткани опредѣленныя, разъ навсегда установленныя, функціи. Если лишить органъ возможности отправлять эти функціи или препятствовать ему въ этомъ, то послѣдствіемъ такого лишенія

будетъ ослабленіе, исхуданіе и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и перерожденіе ткани, т. е. на мѣстѣ опредѣленной ткани разрастается другая, уже не способная работать въ данномъ направленіи. Съ другой стороны разъ органъ не бездѣйствуетъ и выполняетъ назначенную ему работу съ извѣстной правильностью и постепенностью, то при этихъ условіяхъ усиливается его питаніе, усиливается его работоспособность и вмѣстѣ съ этимъ онъ и самъ увеличивается въ объемѣ. Подобное разсужденіе вполнѣ приложимо къ мышечной ткани, и она не составляетъ исключенія изъ этого правила. Уже изъ повседневнаго опыта мы знаемъ, какъ сильно увеличивается объемъ и сила мышцъ при различнаго рода физическихъ упражненіяхъ, и какъ вяла, дрябла и слаба мышечная система у субъектовъ, не занимающихся физическимъ трудомъ и ведущихъ сидячій образъ жизни. Но необходимо условіе, чтобы при всякаго рода физическомъ трудѣ отсутствовалъ тотъ факторъ, который носитъ названіе переутомленія и въ сильной своей степени ведетъ къ состоянію, обозначаемому на спортивномъ языкѣ терминомъ перетренировки. Выше было указано, что мышца совершаетъ свою работу насчетъ тѣхъ запасныхъ веществъ, которыя откладываются въ ней въ моменты ея спокойнаго состоянія, и что при работѣ въ случаѣ истощенія этого запаса мышца начинаетъ исполнять эту работу насчетъ веществъ, составляющихъ ее самое. Изъ этого и вытекаетъ тотъ фактъ, что при особенно интенсивной работѣ, работѣ безъ отдыха, мышца не можетъ накоплять достаточно средствъ для увеличенія своего объема и своихъ силъ, наоборотъ, такое положеніе приводитъ къ исхуданію и ослабленію мышечной системы, подобно и полному бездѣйствію мышечной ткани. Однако, это состояніе переутомленія слѣдуетъ строго отмѣтить и отграничить отъ состоянія мышечной усталости, которая неизбѣжна при всякомъ физическомъ упражненіи. Усталость мышцы зависитъ отъ накопленія въ мышцѣ тѣхъ ненужныхъ для нея веществъ, которыя въ покойномъ состояніи выносятся изъ нея токомъ венозной крови. Во время сокращенія процессы

горѣнія, происходящіе въ мышцѣ, усиленны и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленна и циркуляція крови по сосудамъ, какъ приносящимъ питательный матеріалъ, такъ и уносящимъ продукты распада, но все-таки при усиленной работѣ оттокъ венозной крови не въ силахъ вынести всѣ получающіеся въ данномъ случаѣ продукты горѣнія, — и вотъ наступаетъ моментъ, когда эти вещества уже накопляются въ мышцѣ въ большомъ количествѣ, и тогда-то ощущается это специфическое чувство усталости. Чрезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ токъ венозной крови унесетъ эти лишніе для мышечной ткани продукты, мышца вновь дѣлается работоспособной и вновь можетъ выносить большія напряженія. Такая мышечная усталость очень цѣнна для наблюденія за собой при всякомъ физическомъ упражненіи —она есть показатель того, что мышца начинаетъ утомляться, что запасъ веществъ, необходимыхъ для производства нѣкоторой работы, изсякаетъ. Короче, она просто показываетъ тотъ предѣлъ, за которымъ мышечное напряженіе будетъ уже не полезно для организма, а вредно.

Вещества, насчетъ которыхъ мышца развиваетъ свою силу и насчетъ которыхъ она питается, принадлежатъ къ такъ называемымъ углеводамъ, то-есть тѣмъ веществамъ, которыя преимущественно воспринимаются организмомъ изъ растительной пищи. Заключить отсюда, что всякому человѣку, занятому физическимъ трудомъ, необходимо сдѣлаться абсолютнымъ вегетаріанцемъ, конечно, нельзя уже потому, что кромѣ расхода на мышечную работу у всякаго человѣка существуютъ другіе органы, требующіе для отправленія своихъ функцій другихъ питательныхъ веществъ, получаемыхъ въ болѣе удобномъ видѣ исключительно изъ мясной или животной пищи. Кромѣ того, и мышца питается и черпаетъ свою энергію не цѣликомъ изъ углеводовъ, но въ этомъ процессѣ принимаютъ участіе также и другія питательныя вещества, правда, не въ столь значительной степени. Такъ, двое изслѣдователей Фикъ и Висличенусъ, при восхожденіи на одну изъ альпійскихъ вершинъ, опредѣляя вещества, насчетъ которыхъ они произвели эту

работу, нашли, что двѣ трети работы было исполнено насчетъ углеводовъ и одна треть насчетъ другихъ питательныхъ веществъ. Основываясь на этомъ, мы приходимъ къ тому положенію, что, хотя человѣку, работающему физически, и слѣдуетъ обратить вниманіе на пищу растительнаго происхожденія, но довольствоваться ею одною нельзя.

Сводя тѣ немногія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности мышечной ткани, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ и заключеніямъ относительно всякихъ физическихъ упражненій: мышца должна функціонировать, и лишеніе ея возможности отправлять свои функціи вредно не только для нея самой, но и для всего организма, уже потому, что мышечная система составляетъ половину вѣса всего тѣла; всѣ физическія упражненія должны обязательно чередоваться съ отдыхомъ, и, наконецъ, хорошее питаніе есть одинъ изъ главныхъ факторовъ, способствующихъ пользѣ и цѣлесообразности мышечной работы. Въ противномъ же случаѣ „лишеніе органа его физіологическихъ отправленій", говоритъ д-ръ Эйнгорнъ, „или сильное переутомленіе его ведутъ уже къ болѣзненнымъ измѣненіямъ"

Б. Какушкинъ.

Библіографія.

С. К. Архангельскій. „Матеріалы по методикѣ тѣлесныхъ упражненій". Спб. 1911 г., ц. 75 коп.

Эта книга—сводъ данныхъ современной науки касательно методики физическихъ упражненій. Данныхъ, высказанныхъ въ сжатой, компактной формѣ, но уже цѣнныхъ, хотя бы потому, что мы не имѣли до сихъ поръ подобнаго труда.

Лицамъ, знакомымъ хотя бы съ основами біологическихъ и медицинскихъ наукъ, эта книга дастъ, пожалуй, немного; но за то тѣмъ спортсменамъ, которые этихъ знаній не имѣютъ, она несомнѣнно нужна и даже необходима.

Авторъ разсматриваетъ вопросъ со всевозможныхъ сторонъ. Основы анатомо-физіологическія и гигіеническіе извѣстны большому кругу лицъ, такъ что объ нихъ распространяться не стоитъ. Основы психо-физіологическіе у насъ, несомнѣнно, почти всегда выпускаются изъ вида, и авторъ правъ говоря, что „методика тѣлесныхъ упражненій должна обязательно вмѣнять себѣ въ обязанность считаться съ психической природой человѣка, а не игнорировать ее, какъ это мы видимъ въ существующихъ гимнастическихъ системахъ, которыхъ все вниманіе сосредоточено исключительно на выполненіи того или другого упражненія, по заранѣе опредѣленнымъ правиламъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою вредныя для здоровья послѣдствія, но никогда не принимается въ разсчетъ: какъ данное исполненіе опредѣленнаго упражненія отражается на душевномъ состояніи гимнаста“. Эти слова вытекаютъ, какъ слѣдствіе, изъ изслѣдованій и работъ такихъ ученыхъ, какъ Гиртль, Сикорскій, Уфельманъ и др., и уже только поэтому заслуживаютъ вниманія.

Указывая съ чисто-научной стороны на необходимость тѣлесныхъ упражненій, авторъ говоритъ, что, именно, въ Россіи нужна и, какъ можно скорѣй, правильная, раціональная постановка дѣла. „Неумолимыя цифры громко говорятъ, что здоровье русскаго человѣка настоятельно требуетъ, чтобы на него было обращено серьезное вниманіе“. Это уже не разъ обсуждалось, какъ въ общей, такъ и спеціальной печати, но—улита ѣдетъ, когда-то будетъ!

Подробно останавливается г. Архангельскій и на эстетическомъ значеніи тѣлесныхъ упражненій. Требованія эстетики должны быть приложены къ гимнастикѣ. Но не только это одно: сами упражненія должны вырабатывать въ человѣкѣ грацію и изящество. И при раціональной постановкѣ дѣла послѣднее неизбѣжно вытекаетъ, какъ слѣдствіе. „Задача тѣлеснаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы культивировать каждую часть, каждый органъ, каждое отправленіе нашего тѣла, а это обязываетъ заботиться, чтобы каждая

часть тѣла, каждая поза, каждое движеніе было пластично и эстетично".

Одно изъ самыхъ цѣнныхъ мѣстъ книги, это—тотъ отдѣлъ, который авторъ выдѣлилъ подъ заголовкомъ „Прибавленіе". Въ этомъ прибавленіи содержатся извлеченія по вопросу о долголѣтіи людей изъ изслѣдованій акад. кн. П. Р. Тарханова—„О долголѣтіи животныхъ, растеній и людей".

Изслѣдованія кн. И. Р. Тарханова были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" за 1891 г. и потому „пользоваться ими удѣлъ очень немногихъ счастливцевъ, у которыхъ сохранился „В. Е." за 20 лѣтъ назадъ".

Между тѣмъ изслѣдованія эти весьма любопытны и особенно для людей, занимающихся спортомъ, и вопросъ о гимнастикѣ въ связи съ долголѣтіемъ обсуждался въ прошломъ году въ журналѣ „Русскій Спортъ".

Изъ біологіи извѣстно положеніе, что продолжительность жизни животнаго равна пятикратному періоду его роста. Отсюда человѣкъ при періодѣ роста 20—25 лѣтъ долженъ прожить отъ 100 до 125 лѣтъ, и это явленіе должно быть нормальнымъ. Однако, не только 125-лѣтніе патріархи, но люди и гораздо меньшаго возраста 80—90 лѣтъ встрѣчаются какъ исключеніе. Несомнѣнно, что гдѣ-либо кроются причины такого ненормальнаго факта.

Конечно, мы врядъ ли когда-либо будемъ въ состояніи по желанію продлить нашу жизнь. Но все-таки опыты и изслѣдованія дадутъ намъ возможность взглянуть въ сущность дѣла и до извѣстной степени помогутъ устранить все то, что мѣшаетъ нормальному сроку жизни, и уже это вѣрно потому, что „явленія жизни, а, слѣдовательно, и продолжительности ея, подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ природы, протекаютъ съ извѣстной закономѣрностью, изученіе которой и даетъ въ руки человѣка возможность до нѣкоторой степени управлять явленіями жизни и, слѣдовательно, направлять ее въ сторону, наиболѣе выгодную для нуждъ человѣчества".

Послѣ цѣлаго разбора научныхъ трудовъ и собственныхъ изслѣдованій по этому вопросу, подробно разсмотрѣть ко-

торые, къ сожалѣнію, невозможно за недостаткомъ мѣста, авторъ дѣлаетъ слѣдующія указанія въ цѣляхъ продленія жизни:

1) Усиленная функція какъ всего организма, такъ и отдѣльныхъ органовъ ведетъ къ органическому перерожденію ихъ и къ утратѣ функцій.

2) Абсолютный покой ихъ ведетъ также къ перерожденію и къ ослабленію и утратѣ функцій и, слѣдовательно,

3) извѣстная опредѣленная перемежка работы и покоя есть необходимое условіе нормальной жизни.

4) Для поддержанія здоровья организма требуется равномѣрное упражненіе всѣхъ его функцій. Работа духа не должна заглушать тѣлесныхъ мышечныхъ отправленій и, наоборотъ, только равномѣрнымъ упражненіемъ всѣхъ способностей организма и можетъ поддерживаться та гармонія отдѣльныхъ его частей, при которой мыслима долгая жизнь.

5) Въ юности и зрѣломъ возрастѣ, когда созидательныя силы организма находятся въ полной силѣ, нарушенія правильныхъ функцій органовъ легко еще возстанавливаются своевременными гигіеническими мѣрами. Въ старости и преклонномъ возрастѣ, при ослабленіи созидательныхъ силъ и ихъ постоянномъ изсяканіи, слѣдуетъ несравненно менѣе обременять органы тѣла работой, во избѣжаніе ихъ переутомленія, истощенія, уже почти непоправимаго и ускоряющаго роковой финалъ. Итакъ, съ ослабленіемъ силъ организма отъ старости, слѣдуетъ все болѣе и болѣе облегчать работу, выпадающую на долю каждаго органа въ тѣлѣ, какъ мышечную, такъ и умственную, пищеварительную и выдѣлительную.

6) Сравнительный душевный покой, отстраненіе рѣзкихъ душевныхъ волненій, въ особенности въ старости, являются однимъ изъ существенныхъ условій правильнаго теченія тѣлесныхъ функцій тѣла. Это тѣ краеугольные камни, на которыхъ зиждется долговѣчность человѣка. Всѣмъ этимъ физіологическимъ положеніямъ отвѣчаетъ умѣренный, регулярный образъ жизни человѣка, отвѣчающій наиболѣе всего

экономизированію силъ человѣка и чѣмъ болѣе мы проникаемъ въ глубь преклоннаго возраста, тѣмъ мы должны быть умѣреннѣе, тѣмъ регулярнѣе должна становиться жизнь. Умѣренность должна быть не только въ дѣятельности, но и въ функціяхъ питанія, выдѣленія и воспроизведенія. Безъ умѣренности наступаетъ быстрое истощеніе организма съ послѣдовательнымъ ослабленіемъ силъ и перерожденіемъ органовъ. Регулярный образъ жизни экономизируетъ силы организма, потому что регулярность ведетъ къ образованію привычки, а привычка ослабляетъ напряженіе организма при совершеніи тѣхъ или другихъ функцій и, слѣдовательно, уменьшаетъ расходъ силъ.

Таковы указанія.

„Въ нихъ кроются источники раціональнаго метода продленія жизни"—добавляетъ авторъ.

Георгъ Гаккеншмитъ.—Путь къ силѣ и здоровью. Пер. подъ ред. С. Морро-Дмитріева. М. 1911 г., ц. 1 р.

Имя Георга Гаккеншмита слишкомъ хорошо извѣстно и потому ясно, что его руководство не можетъ быть встрѣчено молчаніемъ. И дѣйствительно, книга хороша, изложеніе прекрасное и содержаніе ея такого рода, что она одинаково интересна и для гимнаста и для атлета.

Новыхъ упражненій или какихъ-либо особенностей въ системѣ она не содержитъ. Авторъ только описываетъ тѣ положенія, которыя онъ выработалъ въ продолженіе своей многолѣтней практики. Но эта практика была огромна, а потому и наблюденія и опытъ, данные ей, имѣютъ несомнѣнную цѣнность.

Съ нѣкоторыми положеніями автора, однако, согласиться нельзя. Напр., на стр. 9 онъ пишетъ: „Человѣкъ не можетъ быть слишкомъ старъ для занятія гимнастикой".

Вся эта фраза цѣликомъ противорѣчитъ научнымъ даннымъ, которые получены путемъ эксперимента и данныхъ, несомнѣнно точныхъ. Изъ предыдущихъ положеній кн. И. Р. Тарханова мы можемъ убѣдиться, что это убѣжденіе ошибочно и, во всякомъ случаѣ, отстаивать его и защищать

нельзя, такъ какъ при этомъ совершенно не можетъ быть почвы подъ ногами.

Точно также врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ, что „здоровье есть неизмѣнное слѣдствіе силы". Это натяжка. Мы наблюдаемъ много сильныхъ людей, страдающихъ болѣзнями.

Но за исключеніемъ этихъ маленькихъ погрѣшностей, книга безусловно хороша и ее смѣло можно рекомендовать всякому атлету и гимнасту, въ буквальномъ смыслѣ, какъ настольную книгу.

Что касается русскаго перевода, то его при всемъ желаніи похвалить нельзя и тѣмъ болѣе, что его редактировалъ С. И. Морро-Дмитріевъ. У насъ существуетъ и анатомическая и спортивная терминологія и необходимо съ ней считаться, хотя бы для того, чтобы быть понятымъ. Между тѣмъ, если слово „тренированіе" просто рѣжетъ ухо, то терминъ „ручной суставъ" совершенно неясенъ, такъ какъ на рукѣ, какъ извѣстно, существуетъ масса суставовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое названіе.

Г. Морро-Дмитріевъ долженъ былъ бы это знать.

Ш.

Редакторъ-издательница **К. Л. Ковзанъ.**

Вышли изъ печати и поступили въ продажу I, II и III выпуски

Альбома борцовъ

съ ихъ біографіями. Изданіе журнала „Русскій Спортъ".

Цѣна каждаго выпуска 75 к., съ пересылкой 90 к., наложеннымъ платежомъ 1 р.

Складъ изданія: Москва, Петровка, 17, кв. 26, при конторѣ журнала „Русскій Спортъ".

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 Г.

на художественно-иллюстрированный журналъ, посвященный всѣмъ видамъ охоты,

„Русская Охота"

24 номера большого формата въ годъ,—свыше 700 колоннъ текста, около 500 иллюстрацій.

Подписная цѣна: годъ 4 р., ½ г. 2 р. 50 к.

Въ премію редакція журнала „Русская Охота" даетъ на каждую тысячу годовыхъ подписчиковъ по три охотничьихъ ружья, изъ нихъ одно стоимостью въ 125 р., другое въ 75 р. и третье въ 50 р. Ружья будутъ разыграны въ концѣ подписного года между подписчиками, уплатившими сполна за годъ.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала: Москва, Петровка, д. 17, кв. 26. (Телефонъ 187-38), во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи, а также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 г.

на ежемѣсячный спортивный журналъ

„Библіотека Русскаго Спорта".

Редакція признаетъ за спортомъ огромное будущее и считаетъ спортъ однимъ изъ благотворнѣйшихъ и культурныхъ факторовъ современной жизни, при условіи **широкаго распространенія истинно-здравыхъ и передовыхъ взглядовъ на роль и значеніе спорта.**

Девизъ редакціи „СПОРТЪ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ"

вполнѣ опредѣляетъ ея принципы въ этомъ отношеніи. Имъ редакція и будетъ руководствоваться въ своей работѣ.

„БИБЛІОТЕКА РУССКАГО СПОРТА" будетъ выходить въ серединѣ каждаго мѣсяца книжками въ размѣрѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: годъ 4 р., ½ г. 3 р. съ доставк. и перес.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала—Москва, Петровка, д. № 17, кв. 26. (Телефонъ редакціи 187-38), въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Въ отдѣльной продажѣ книжка журнала стоитъ **50** коп.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, соб. домъ.